H13 248

№ 429 шк 4 п 4
Отр 3280

Священникъ Н. Н. Писаревъ.

Н13 2̄48

РУССКІЙ НАРОДЪ И ПРАВИТЕЛЬСТВО

въ

борьбѣ съ Франціей

ЗА НАЦІОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

въ началѣ XIX столѣтія—до 1815 г.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Казанской Духовной Академіи 11-го октября 1912 г.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1912.

и кр 3280
N12.
Н13 248

Священникъ Н. Н. Писаревъ.

РУССКІЙ НАРОДЪ И ПРАВИТЕЛЬСТВО

ВЪ

борьбѣ съ Франціей

ЗА НАЦІОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

въ началѣ XIX столѣтія—до 1815 г.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Казанской Духовной Академіи 11-го октября 1912 г.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1912.

800/4

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ *Анастасій*.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
768265

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Правосл. Собесѣдникъ“ за 1912 годъ.

„Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходитъ восторженная память о стойкости, съ какой русскій народъ, въ полномъ единеніи со своимъ Государемъ, отстоялъ въ 1812 году независимость отчизны отъ опаснѣйшаго изъ нашествій, перенесеннаго со времени освобожденія отъ татарскаго ига". (М. Ковалевскій—„Вѣстникъ Европы". 1912 годъ. Іюль, стр. 223).

„Война двѣнадцатаго года была изъ тѣхъ великихъ войнъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память и производятъ сильное дѣйствіе на народную жизнь. Таковы бываютъ тѣ войны, въ которыхъ... рѣшается вопросъ національной независимости,—войны, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является не одна армія, но и самъ народъ". (А. Н. Пыпинъ — „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", стр. 272).

Уже почти четыре мѣсяца Россія переживаетъ юбилейные дни, связанные съ воспоминаніями тѣхъ или другихъ выдающихся событій Отечественной войны, являющейся, по мѣткому выраженію современника той эпохи, А. И. Тургенева, лишь „послѣднимъ актомъ въ Европейской трагедіи" конца XVIII и начала XIX вв. [1]). 12 Іюня 1812 года императоръ Франціи Наполеонъ—этотъ Аттила новаго времени, слѣпо вѣрившій въ свое счастье завоева-

[1]) Изъ письма къ князю Вяземскому — „12-й годъ въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ", В. В. Каллашъ. М. 1912 г. стр. 227.

теля, вступилъ съ многочисленными войсками, по переходѣ черезъ рѣку Нѣманъ, на русскую территорію и обратился къ арміи со слѣдующимъ самонадѣяннымъ призывомъ: „внесемъ, говорилъ онъ, оружіе въ предѣлы Россіи! Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей". Но прошло четыре мѣсяца военныхъ дѣйствій и положеніе вещей рѣзко измѣнилось. Сто лѣтъ назадъ, 11-го же октября, непріятельская армія, обезсиленная и матеріально и нравственно, оставила Москву, сожженную и превращенную въ развалины русскимъ патріотизмомъ, и, вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ, потерявшимъ всякую надежду на военный успѣхъ въ Россіи и на заключеніе мира съ нашимъ Государемъ, спѣшно устремилась на родину; зимовать въ раззоренной Москвѣ и опустошенной Россіи не было никакой возможности.

Пожаръ Москвы — „сердца Россіи" произвелъ, конечно, угнетающее впечатлѣніе на русскаго человѣка. Это и понятно: если, думали наши предки, сердце перестаетъ биться, то, неминуемо, повидимому и организмъ долженъ прекратить жизнь. Но въ этомъ же несчастіи Москвы многіе мыслящіе русскіе люди не безъ основанія увидѣли наиболѣе яркую зарю спасенія и возрожденія Россіи и готовы были вполнѣ согласиться съ главнокомандующимъ нашей арміей М. И. Кутузовымъ, сказавшимъ на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ: „съ потерею Москвы не потеряна еще Россія". А. И. Тургеневъ, напримѣръ, утѣшая кн. Вяземскаго, глубоко скорбѣвшаго по поводу московскаго пожара, писалъ ему между прочимъ: „развалины Москвы будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр., рано или поздно, освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Война, сдѣлавшись *національною*, приняла такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отомщеніемъ за безполезныя дѣйствія и преступленія южныхъ варваровъ..... Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣтитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали"... Такія слова утѣшенія были ре-

зультатомъ глубокаго убѣжденія А. И. Тургенева: „это не пустыя слова“, замѣчаетъ онъ въ письмѣ, „но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду“ [1]). Увѣренность Тургенева справедливо основывалась, какъ увидимъ, на томъ фактѣ, что война сдѣлалась національной, народной. А пожаръ Москвы, являясь кульминаціоннымъ пунктомъ народной войны, наиболѣе ярко раскрылъ всю идеальную красоту русской народной души, до очевидности ясно показалъ, что народъ, владѣющій такимъ солиднымъ нравственнымъ капиталомъ, не останавливающійся ни предъ какой жертвой ради вѣры и отчизны, предводительствуемый любимымъ вѣнценоснымъ Вождемъ, рано или поздно выйдетъ побѣдителемъ изъ всякаго испытанія, что именно только такому нравственно-здоровому народу принадлежитъ будущее. Нельзя не согласиться, что Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ письмѣ такой коренной нравственный моментъ Отечественной войны, который, главнымъ образомъ, и обусловилъ побѣдоносный для насъ исходъ событій 1812 года. Только бурный подъемъ русской народной души, только рѣдко встрѣчающійся въ міровой исторіи взрывъ кристально-чистыхъ патріотическихъ чувствъ среди всѣхъ классовъ русскаго общества въ годину лихолѣтья спасъ нашу отчизну, а черезъ это и всю Европу, отъ тяжелой руки Аттилы новаго времени. Именно эту мысль, эту нравственную силу нашихъ предковъ, проявленную въ 1812 году, отмѣтилъ Л. Н. Толстой, со свойственной ему художественной изобразительностью, въ своемъ романѣ— „Война и миръ“: „Благо не тому народу, говоритъ онъ, который, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу ефесомъ, граціозно и учтиво передаетъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуты испытаній, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока

[1]) Тамъ же, стр. 226—227.

въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью". Но русскому человѣку всякаго пола, возраста и общественнаго положенія, чтобы поднять „первую попавшуюся дубину и гвоздить ею" врага, какъ это было въ 1812 году, чтобы проявить себя во весь свой богатырскій духовный ростъ, нужно было воспринять нѣкоторыя вліянія, пройти, какъ говорится, извѣстную школу. Теперь мы и перенесемся на время въ ту, такъ сказать, лабораторію, въ которой закалялась душа русскаго человѣка въ началѣ XIX вѣка и созрѣвала для великаго народнаго подвига, проявленнаго въ Отечественную войну. Этотъ экскурсъ вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ намъ отдѣльные, наиболѣе яркіе подготовительные моменты къ борьбѣ 1812 года, а также и величіе дѣла, подъятаго нашими предками на свои рамена въ тяжелую годину.

Новѣйшая исторія Европы обычно начинается съ французской революціи 1789 года, потому что этотъ фактъ обусловилъ собою нѣкоторыя существенныя черты послѣдующаго культурнаго развитія континентальныхъ государствъ. Внѣшняя исторія Франціи періода первой республики характеризуется, между прочимъ, многими счастливыми завоеваніями французскаго народа, виновникомъ благополучнаго исхода которыхъ въ значительной степени былъ Бонапартъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній, по выраженію лично и хорошо его знавшаго австрійскаго министра, князя Меттерниха, „конфисковалъ въ свою пользу всю революцію", завоевательная политика Франціи еще болѣе развивается: Наполеонъ, какъ носитель узурпированной власти, для упроченія своего положенія долженъ былъ гипнотизировать подчиненное населеніе все новыми и новыми военными успѣхами. Счастье улыбается завоевателю. Приблизительно съ 1805 года онъ присвояетъ себѣ право по личному желанію передѣлывать политическую карту Европы, „уничтожать совершенно одни государства, создавать другія, раздавать по своему усмотрѣнію герцогскія, княжескія и королевскія короны, вычеркивать изъ списка существующихъ династій старыя

европейскія царственныя фамиліи“ [1]). Ко времени Отечественной войны, на всемъ европейскомъ континентѣ, не считая островной Великобританіи, только одна Россія сохранила независимое положеніе въ отношеніи къ Наполеону.

Чтобы глубже оцѣнить все значеніе этого крупнаго факта для европейской культуры, нужно обратить вниманіе на внутреннюю скрытую идею завоевательной политики императора Франціи, на ту новую струю, которую вносилъ завоеватель въ духовную жизнь покаряемыхъ имъ государствъ. Французская революція унаслѣдовала свои идеи отъ предшествующей эпохи просвѣтительной литературы: на ея знамени были начертаны начала космополитизма, общечеловѣческаго „гуманитета“ [2]). Наполеонъ, какъ вынесенный на поверхность политической жизни революціей и какъ выдающійся представитель послѣдней, вдохновлялся въ своей завоевательной дѣятельности тѣми же космополитическими идеями. Но этотъ космополитизмъ въ сознаніи и дѣятельности „баловня судьбы“ Наполеона получилъ особенно яркую, своеобразную окраску. По свидѣтельству Меттерниха, императоръ Франціи нѣсколько интересовался исторіей и схватывалъ изъ нея болѣе то, что подходило къ его настроенію; любимыми „героями его, говоритъ Меттернихъ, были Александръ, Цезарь и прежде всего Карлъ Великій. Онъ претендовалъ на мѣсто преемника этого послѣдняго, преемника не только въ силу факта, но и по праву, и эта мысль особенно занимала его“ [3]). Одушевляемый отмѣченными историческими образами, Наполеонъ мечталъ о созданіи такой всемірной монархіи, которая, по своимъ размѣрамъ, далеко превосходила бы монархіи его любимыхъ героевъ, въ которой сли-

---

[1]) Проф. В. К. Надлеръ—„Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (1789—1815 гг.)“. Харьковъ. 1898 г. Стр. 150.

[2]) Тамъ же, стр. 8.

[3]) „Наполеонъ“ (характеристика), стр. 4, ср. стр. 10; см. въ книгѣ—„Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ“ ч. I. М. 1912 г.

лись бы всѣ народности, утративъ свой индивидуальный обликъ. Эти основные мотивы завоевательной политики всегда были господствующими въ сознаніи французскаго императора, хотя, по временамъ, они осложнялись, какъ увидимъ, и другими болѣе частными соображеніями, напримѣръ, желаніемъ сокрушить экономическую мощь Англіи путемъ соединенныхъ усилій континентальныхъ государствъ. Если космополитизмъ вообще отрицаетъ національную идею, то въ осуществленіи Наполеона космополитическое начало представляло наиболѣе опаснаго врага для національнаго самобытнаго развитія всякаго государства, которому приходилось сталкиваться съ счастливымъ завоевателемъ. „Національная идея, съ точки зрѣнія Наполеона, говоритъ профессоръ Надлеръ, была опаснымъ заблужденіемъ, идущимъ въ разрѣзъ со всей цивилизаціей новаго міра, не болѣе, какъ предразсудкомъ; она можетъ только мѣшать преуспѣянію и свободному развитію человѣческихъ обществъ“ [1]). Со строгой послѣдовательностью проводя такія тенденціи въ своей дѣятельности, императоръ Франціи, въ концѣ всего, очевидно, угрожалъ Европѣ „не только страшнымъ политическимъ рабствомъ, но и уничтоженіемъ всякой самостоятельной духовной жизни, все равно—проявлялась ли эта жизнь въ области религіи, политики, литературы или науки“ [2]).

Перспектива такого духовнаго плѣна, конечно, не могла не безпокоить европейскія государства, застигнутыя стихійнымъ завоевательнымъ движеніемъ Наполеона. И вотъ, какъ протестъ противъ всепоглощающаго, мертвящаго Наполеоновскаго космополитизма, въ политическомъ сознаніи европейскаго общества нарождается и зрѣетъ національная идея, идея освобожденія народностей изъ подъ чужихъ стѣсняющихъ вліяній, въ частности, изъ подъ тяжелаго французскаго гнета, идея, вообще говоря, самобытнаго культурнаго развитія. Борьба за національ-

---

[1]) В. К. Надлеръ—„Лекціи.....“, стр. 168.

[2]) Тамъ же, стр. 169; ср. сочиненіе того же автора: „Меттернихъ и Европейская реакція“, стр. 3.

ную идею проявляется въ различныхъ сферахъ мысли и жизни; особенно ярко сказалась она, среди другихъ западно-европейскихъ государствъ,—въ Германіи и Испаніи. Въ Германіи, почти на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, первымъ провозвѣстникомъ идеи самобытнаго развитія народностей выступаетъ Шиллеръ. Въ первую половину своей поэтической дѣятельности Шиллеръ былъ еще поборникомъ либеральныхъ, революціонныхъ идей, но потомъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ намъ политическихъ событій, онъ измѣняетъ свою платформу и уже въ „Орлеанской Дѣвѣ“ и „Вильгельмѣ Теллѣ“ заявляетъ себя не космополитомъ, а націоналистомъ. Въ соотвѣтствіи съ болѣе интенсивнымъ развитіемъ Наполеоновской системы, постепенно крѣпнетъ и національная идея, находя себѣ все болѣе и болѣе яркихъ выразителей въ лицѣ нѣмецкихъ поэтовъ-націоналистовъ. Даже представители богословія и философіи, какъ-то Шлейермахеръ и Фихте, были захвачены національнымъ движеніемъ и выступали съ воодушевленными рѣчами, въ которыхъ старались поддержать мужество своихъ согражданъ. Фихте, напримѣръ, въ „Рѣчахъ къ германскому народу“, произнесенныхъ въ видѣ публичныхъ лекцій въ Берлинѣ зимою 1807—8 гг., скорбѣлъ объ упадкѣ національнаго духа въ Германіи и доказывалъ мысль, что всякая національность можетъ достичь желательнаго благосостоянія только при условіи самобытнаго развитія, опредѣленнаго ей, такъ сказать, самой природой. Не менѣе напряженно, чѣмъ въ сферѣ интеллектуальнаго творчества, національный вопросъ трактовался и въ кругахъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей. Здѣсь иниціаторомъ и душею всѣхъ преобразовательныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ возрожденію Германіи, былъ прусскій министръ, извѣстный баронъ Штейнъ. Жившіе въ Пруссіи французскіе шпіоны, конечно, освѣдомляли свое правительство о смыслѣ и значеніи національнаго движенія, развивавшагося въ Германіи. Результатомъ этой освѣдомленности было предъявленное Наполеономъ къ Прусскому правительству требованіе удалить Штейна не только отъ должности, но и изъ

государства. Такъ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ патріотовъ принужденъ былъ раздѣлить тяжелую долю изгнанника только за то, что честно и самоотверженно работалъ для матеріальнаго и духовнаго возрожденія своей родины. Таковы плоды мертвящей, космополитической политики Наполеона!

Если отмѣченное національное движеніе въ Германіи, какъ протестъ противъ Наполеона, проходило мирнымъ путемъ, носило, такъ сказать, культурный характеръ, то совершенно другой типъ протеста дала Испанія. Здѣсь Наполеонъ впервые столкнулся съ фактомъ *народной* войны. Испанцы, оскорбленные французскимъ правительствомъ въ своемъ религіозномъ и національномъ чувствѣ, поднялись, какъ одинъ человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ противъ потерявшаго всякую мѣру императора Франціи и на защиту своей національной свободы. Многочисленные партизанскіе отряды, извѣстные подъ именемъ гверильи, доставили не мало огорченій Наполеону, который на Пиренейскомъ полуостровѣ едва ли не первый разъ долженъ былъ серьезно задуматься надъ степенью прочности своей военной славы. Взрывъ испанскаго національнаго движенія и впослѣдствіи былъ однимъ изъ мрачныхъ воспоминаній Бонапарта. Такъ космополитическій характеръ дѣятельности Наполеона развивалъ въ сторону націонализма политическое сознаніе европейскаго общества и возбуждалъ послѣднее на такую или иную борьбу за національную идею.

Пока волна наполеоновскихъ завоеваній катилась по Западной Европѣ, Россія больше была лишь зрительницей развертывавшихся тамъ событій. Правда, нашъ государь Александръ I, какъ защитникъ вообще національной идеи, иногда принималъ участіе въ европейскихъ военныхъ коалиціяхъ противъ Наполеона, но это участіе обусловливалось желаніемъ нашего Императора послужить общему благу европейскихъ государствъ и не вызывалось ближайшими интересами Россіи. Все же нетрудно было предвидѣть, что рано или поздно завоевательная волна Наполеона захлеснетъ и Россію, что рано или поздно

нашему отечеству придется рѣшать вопросъ—быть или не быть у насъ національной независимости, дальнѣйшему культурному развитію на основѣ самобытныхъ національно-русскихъ началъ.

Въ сознаніи надвигающейся опасности и въ противовѣсъ ей, въ Россіи тоже зарождается и крѣпнетъ національное движеніе. Наиболѣе виднымъ лидеромъ партіи интеллигентныхъ націоналистовъ въ самомъ началѣ XIX вѣка былъ историкъ Н. М. Карамзинъ, общественно-политическія воззрѣнія котораго являются какъ бы суммой думъ и чувствъ громаднаго большинства дворянства того времени. Литературнымъ органомъ націонализма выступилъ основанный Карамзинымъ въ 1802 году „Вѣстникъ Европы", поставившій своей задачей, по словамъ редактора, „помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ Россійскій" [1]). Только два года Карамзинъ стоялъ во главѣ изданія, но и за это время онъ достаточно опредѣленно высказалъ свое credo. Напримѣръ, въ статьѣ — „о любви къ отечеству и народной гордости", которую можно назвать программой всего послѣдующаго политическаго міровоззрѣнія Карамзина, послѣдній стремится пробудить въ соотечественникахъ уже начинавшее слабѣть въ нихъ сознаніе національнаго достоинства, осуждаетъ слѣпое пристрастіе ко всему иноземному, призываетъ къ дѣятельности на самобытныхъ русскихъ началахъ: „я не смѣю думать, говоритъ онъ, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ—а смиреніе *въ политикѣ* вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ.... Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ современемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую морально!*..... Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ

---

[1]) „Н. М. Карамзинъ — по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ"—М. Погодина. 1866 г. ч. I, стр. 338.

рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ“ [1]). Да теперь, по мнѣнію Карамзина, прошла уже пора учиться; „въ одной Россіи, говоритъ онъ въ статьѣ „Странность“, можно сдѣлаться хорошимъ русскимъ, а намъ, для государственнаго счастья, не надобно *ни французовъ*, ни англичанъ“ [2]); французовъ не нужно тѣмъ болѣе, что „мы гнушаемся ужасами революціи“ [3]), что „мы видѣли издали ужасы пожара (разумѣется—французской революціи), и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ“ [4]). Эта программа Карамзина въ 1811 году была подробно обоснована въ составленной имъ „Запискѣ о древней и новой Россіи“, читанной сначала въ Тверскомъ салонѣ великой княгини Екатерины Павловны, а потомъ доведенной до свѣдѣнія и самого Государя. Правда, „Записка“ въ оцѣнкѣ русскихъ историческихъ событій носитъ предвзятый ультра—консервативный характеръ и составлена съ партійной цѣлью—расхолодить правительство въ его либеральныхъ начинаніяхъ; но все же критика ведется въ ней на основѣ русскихъ народныхъ началъ, и съ этой стороны „Записка“ является яркимъ памятникомъ національнаго движенія среди русской интеллигенціи начала XIX вѣка. Таково было патріотическое настроеніе русскаго интеллигентнаго общества до іюня 1807 года, когда нашъ Государь, послѣ неудачнаго участія въ европейской коалиціи противъ Наполеона, заключилъ съ послѣднимъ миръ въ Тильзитѣ.

Естественнымъ воспитателемъ патріотическихъ чувствъ и антипатіи къ грозному завоевателю среди массы про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 343.

[2]) Тамъ же, стр. 344.

[3]) Изъ статьи—„О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ XIX в.“; см. тамъ же, стр. 348.

[4]) Изъ статьи—„Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“, см. тамъ же, стр. 362.

стого народа было духовенство, какъ находившееся въ болѣе близкихъ нравственныхъ отношеніяхъ къ деревнѣ. Очень понятно, что представители Церкви развивали предъ своими пасомыми съ церковнаго амвона, главнымъ образомъ, ту справедливую мысль, что Наполеонъ—врагъ православной вѣры и притѣснитель народовъ. Такая проповѣдь особенно энергично раздавалась, по призыву Высочайшаго манифеста и Св. Синода, въ 1806—7 гг., во время неудачной коалиціи противъ Наполеона, когда послѣдній, казалось, угрожалъ и самой Россіи, когда, вслѣдствіе опасности положенія, была признана необходимость „учредить губернское земское войско или милицію". Дѣятельность духовенства достигла цѣли: среди земскихъ ополченцевъ еще 1807 г. былъ замѣтенъ высокій подъемъ патріотическихъ чувствъ, готовность всячески отстаивать національную самобытность Россіи. Именно въ этомъ настроеніи земскихъ ополченцевъ, бывшій среди нихъ смоленскій дворянинъ С. Н. Глинка, одинъ изъ лучшихъ русскихъ патріотовъ интересующей насъ эпохи, открылъ особое свойство русской души и „коренной образъ мыслей русскаго народа"; именно подъ вліяніемъ этого настроенія въ Глинкѣ произошло перерожденіе души „въ бытъ отечественный, въ бытъ русской" [1]). Народная масса была такъ настроена противъ Наполеона, что, какъ громомъ, была поражена заключеннымъ нашимъ Государемъ съ Франціей Тильзитскимъ миромъ. Ея религіозное сознаніе напряженно искало объясненія того, съ ея точки зрѣнія, противорѣчиваго факта, что русскій Государь, исповѣдникъ и защитникъ православной Церкви, въ Тильзитѣ протянулъ дружескую руку врагу православной вѣры—Наполеону; и русскій простолюдинъ создалъ успокаивавшее его объясненіе: нашъ Императоръ, говорилъ онъ, потому и назначилъ дружеское свиданіе съ Наполеономъ въ Тильзитѣ именно на рѣкѣ, „чтобы сперва окрестить

---

[1]) Проф. Довнаръ-Запольскій—„Обзоръ новѣйшей русской исторіи", 1912 г. т. I, стр. 169; срв. Записки С. Н. Глинки—„12-й годъ въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ", В. В. Каллашъ, стр. 69.

Бонапартія въ рѣкѣ, а потомъ уже допустить его предъ свои свѣтлыя царскія очи" [1]). Вообще религіозное чувство русскаго человѣка, какъ увидимъ, было однимъ изъ серьезнѣйшихъ факторовъ, обусловившихъ народный, стихійный характеръ войны 1812 года.

Но Тильзитскій миръ вызвалъ недоумѣніе не у одного простого народа; онъ произвелъ крайне угнетающее впечатлѣніе и на другую часть русскаго общества, не смотря на то, что къ этому миру нашъ Государь былъ прямо таки вынужденъ тяжелыми обстоятельствами Россіи въ данный моментъ: иного выхода не было. Если русскій простолюдинъ въ оцѣнкѣ Тильзитскаго мира исходилъ, главнымъ образомъ, изъ самаго факта *дружбы* двухъ государей, исповѣдующихъ *различную* вѣру, то остальная часть общества была въ высшей степени недовольна еще и содержаніемъ мирнаго трактата, по которому Россія, наравнѣ съ другими континентальными державами, обязывалась, между прочимъ, закрыть свои морскіе порты для торговыхъ судовъ Англіи и англійскихъ товаровъ. Это вынужденное обязательство—примкнуть къ торговой войнѣ Наполеона съ Англіей—унижало прежде всего національное достоинство Россіи и возмущало національную гордость нашихъ предковъ, что, конечно, понятно: если другія европейскія державы, примыкая къ раззорительной для всѣхъ, кромѣ Франціи, европейскихъ государствъ континентальной системѣ, слѣдовали только голосу своего грознаго повелителя—Наполеона, нетерпѣвшаго никакихъ возраженій, то Россія вѣдь не находилась ни въ какой политической зависимости отъ французскаго правительства. Между тѣмъ, принятіе Россіей континентальной системы грозило, конечно, и нашему государству серьезными экономическими затрудненіями, а по связи экономическихъ фактовъ съ вопросами общественными и политическими, грозило и вообще осложненіями. Въ этомъ смыслѣ былъ глубоко правъ и очень предусмотрителенъ именитый фран-

---

[1]) Довнаръ-Запольскій—„Обзоръ.....", стр. 120.

цузскій коммерсантъ въ Петербургѣ Лессепсъ, когда, вскорѣ же послѣ Тильзитскаго мира, писалъ французскому министру Шампаньи, что „разстройство, которое несомнѣнно произойдетъ“ отъ принятія Россіей континентальной системы, „надѣлаетъ много хлопотъ русскому правительству“ [1]). Послѣдующія событія только подтвердили предсказанія Лессепса.

Исполненіе Тильзитскихъ обязательствъ, дѣйствительно, внесло серьезное разстройство въ сферу экономической жизни нашего отечества. Россія начала XIX в. переходила отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и уже занимала опредѣленное и довольно видное мѣсто на международномъ торговомъ рынкѣ, куда она доставляла, такъ называемое, сырье и продукты сельскаго хозяйства. Общій балансъ по внѣшней торговлѣ былъ очень благопріятенъ для русскаго народнаго хозяйства: вывозъ за границу значительно превышалъ ввозъ оттуда, вслѣдствіе чего Россія постепенно увеличивала свои денежные фонды въ видѣ звонкой монеты. Въ 1803 году, напримѣръ, Россіей вывезено за границу товаровъ на 2332 судахъ, а ввезено только на 884-хъ. Главнымъ нашимъ заграничнымъ рынкомъ по сбыту была Англія, на которую въ томъ же 1803 г. приходится болѣе половины вывоза—1277 судовъ. Но и вся-то наша заграничная морская торговля, за отсутствіемъ у насъ собственнаго торговаго флота, обслуживалась преимущественно англійскими кораблями, уже не имѣвшими доступа въ наши порты со времени Тильзитскаго мира. Слѣдовательно, принятіе Россіей континентальной системы не только лишило нашу внѣшнюю торговлю главнаго заграничнаго рынка, но должно было вызвать сокращеніе русскаго вывоза и въ другія европейскія государства. Разстройство въ народномъ хозяйствѣ было причиной такого же явленія и въ хозяйствѣ государственномъ. Упадокъ торговли и промышленности лишалъ государственное казначейство значительнаго коли-

---

[1]) Тамъ же, стр. 107.

чества косвенныхъ налоговъ; увеличивать же прямые налоги было затруднительно вслѣдствіе и безъ того большого напряженія платежныхъ силъ народа, а между тѣмъ военныя событія эпохи требовали все новыхъ и новыхъ сверхъсмѣтныхъ расходовъ. Результатомъ такого положенія вещей былъ быстро увеличивавшійся государственный дефицитъ. Если въ 1806 г.—передъ Тильзитскимъ миромъ—дефицитъ равнялся только шести съ половиной милліонамъ рублей, то вскорѣ же послѣ заключенія мира—въ 1808 году дефицитъ достигъ 120 милліоновъ рублей, а въ 1809 г. — 140 милліоновъ. Покрыть дефицитъ внѣшнимъ займомъ не представлялось возможности, такъ какъ за границей денегъ намъ уже не давали. Тогда правительство объявило въ 1809 г. внутренній заемъ подъ % бумаги, но этотъ заемъ тоже не удался и въ два года онъ далъ государственному казначейству только три милліона рублей. Оставалось прибѣгнуть къ обычной мѣрѣ — къ новымъ выпускамъ ассигнацій, впервые появившимся у насъ при императрицѣ Екатеринѣ II. И правительство, дѣйствительно, широко воспользовалось этой мѣрой. Если въ 1804 году ассигнацій въ Россіи было всего на $260^1/_2$ мил. рублей, то черезъ шесть лѣтъ—въ 1810 г. уже на 577 милліоновъ. Такой чрезмѣрный ростъ ассигнацій долженъ былъ непремѣнно отразиться на цѣнности ихъ, потому что бумажныя деньги не покрывались свободной наличностью въ государственномъ казначействѣ звонкой монеты; послѣдняя не увеличивалась, а все болѣе и болѣе таяла, между прочимъ, вслѣдствіе сокращенія размѣровъ внѣшней торговли. Цѣнность ассигнаціоннаго рубля въ 1808 году равнялась $53^1/_2$ коп., въ 1809 году—$44^1/_2$ коп., а въ 1811 году—только $22^1/_2$ коп. Русскій обыватель, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ такихъ финансовыхъ превращеній, всю тяжесть которыхъ онъ испытывалъ прежде всего на своемъ собственномъ карманѣ; не чувствуя себя лично ни въ чемъ виноватымъ, онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе раззорялся. Естественно, что онъ искалъ виновника своего раззоренія и въ такихъ поискахъ, въ концѣ всѣхъ умозаключе-

ній, останавливался, конечно, на Наполеонѣ, вынудившемъ Россію примкнуть къ континентальной системѣ [1]).

Такъ и религіозное настроеніе, и оскорбленное національное достоинство, и разстройство экономической жизни страны — все это заставляло русскаго человѣка всѣми фибрами души протестовать противъ условій Тильзитскаго мира и главнаго виновника послѣдняго—Наполеона.

Экономическія послѣдствія Тильзитскаго трактата, тягостныя для всѣхъ континентальныхъ государствъ, наиболѣе осязательно и ярко обрисовали предъ всѣми слоями и русскаго, и европейскаго общества грандіозные аппетиты французскаго императора, его настойчивое стремленіе безъ остатка поработить себѣ жителя Европейскаго континента—поработить не только душу послѣдняго (жителя), но и тѣло его, т. е. его матеріальную мощь. Вотъ почему съ

---

[1]) Издательская фирма И. Д. Сытина выпустила къ юбилею войны 1812 г. 7-томное коллективное изданіе: „Отечественная война и русское общество". Здѣсь, въ частности въ статьѣ К. А. Военскаго (т. I, стр. 221—232 — „Континентальная система"), проводится тотъ взглядъ, что Тильзитскій миръ съ его континентальной системой былъ „во всѣхъ отношеніяхъ выгодный для Россіи". „Цѣль Наполеона, говоритъ г. Военскій, отнюдь не ограничивалась интересами одной Франціи. Онъ хотѣлъ освободить континентъ отъ экономической зависимости Англіи и тѣмъ положить основаніе самобытному развитію промышленности Европы. Онъ называлъ Англію „великимъ ростовщикомъ міра" и считалъ себя апостоломъ великой борьбы за экономическое освобожденіе Европы... Черезъ 10—15 лѣтъ Европа приспособилась бы и развила внутри себя обработывающую промышленность..... Наполеонъ палъ, сломленный невозможностью добиться въ Европѣ единства политики, требовавшей жертвъ въ настоящемъ, но сулившей неисчислимыя выгоды въ будущемъ" (Стр. 232). Можетъ быть, г. Военскій и правъ въ высказанномъ имъ взглядѣ. Но во-первыхъ, какъ показала исторія, далеко не всегда можно вѣрить въ искренность заявленій Наполеона, особенно многообѣщающихъ; во-вторыхъ, не извѣстно, что было бы съ экономической жизнью Россіи черезъ 10–15 лѣтъ; и, наконецъ, въ третьихъ—цѣлесообразно ли вести государство къ проблематичному лучшему будущему путемъ такихъ финансовыхъ мѣропріятій, которыя ставили Россію почти на краю экономической гибели.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Тильзитскаго мира національныя анти-наполеоновскія движенія въ Европѣ развиваются ускореннымъ темпомъ и принимаютъ болѣе острую форму. Именно на это время падаютъ отмѣченные выше-національный подъемъ въ Германіи и народное возстаніе въ Испаніи. Если до 1807 года Наполеону приходилось имѣть дѣло съ правительствами, кабинетами, и удавалось ихъ легко побѣждать, то съ Тильзитскаго мира идея войны съ Франціей захватываетъ самыя національности, взятыя въ цѣломъ, и дѣлается среди нихъ очень популярной.

Вотъ почему именно въ это время, совпадающее, какъ ни странно, съ эпохой оффиціальной франко-русской дружбы, національное движеніе и въ Россіи вступаетъ въ новую фазу, болѣе опасную для Наполеона. Въ широкихъ общественныхъ кругахъ литературнымъ путемъ возбуждается до nec plus ultra чувство патріотизма и пропагандируется идея необходимости войны съ Наполеономъ. На сценѣ любимыми пьесами публики были патріотическія трагедіи—„Дмитрій Донской“ (Озерова) и „Князь Пожарскій“ (Крюковскаго), вызывавшія со стороны зрителей бурныя овацій и иногда даже рыданія; такой же успѣхъ имѣли комедіи Крылова—„Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, направленныя противъ подражанія французамъ. Въ простонародной массѣ идея войны съ Наполеономъ популяризировалась извѣстной брошюрой графа Растопчина—„Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“, изданной подъ псевдонимомъ Богатырева. Но особенно характернымъ показателемъ общественнаго настроенія въ данный моментъ можетъ служить журналъ „Русскій Вѣстникъ“, начавшій выходить въ 1808 году подъ редакціей уже извѣстнаго намъ самоотверженнаго, безстрашнаго патріота С. Н. Глинки. „Главнымъ основаніемъ, главною цѣлью „Русскаго Вѣстника“ предположилъ я, говоритъ редакторъ, возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой національной борьбѣ“, потому что „Тильзитскій миръ былъ только временнымъ перемиріемъ“ [1]). Журналъ съ такой

[1]) „12-й годъ въ воспоминаніяхъ и перепискѣ современниковъ“, В. В. Каллашъ, стр. 70—71.

программой былъ очень популяренъ среди общества. Редакторъ, по его словамъ, отовсюду слышалъ „отзывъ добрыхъ гражданъ московскихъ: „ну, слава Богу, порадовалъ насъ „Русскій Вѣстникъ“, душа у насъ пріосанилась. русская наша честь устояла“. „Весело мнѣ также было видѣть, продолжаетъ С. Н. Глинка свои воспоминанія, съ какимъ жаромъ порыва студенты Московскаго университета спѣшили ловить книжки „Вѣстника“ при выходѣ ихъ“ [1]). Но не такое впечатлѣніе производилъ „Русскій Вѣстникъ“ на французское посольство, аккредитованное при Русскомъ Дворѣ; онъ врывался, конечно, рѣзкимъ диссонансомъ въ атмосферу бывшей въ то время оффиціальной франко-русской дружбы. И вотъ посолъ Коленкуръ лично жалуется нашему Государю на некорректное, съ французской точки зрѣнія, направленіе журнала. Государь, только вынужденный обстоятельствами къ франко-русской дружбѣ, и самъ едва ли ей сочувствовавшій, очень тактично отвѣтилъ Коленкуру на его жалобу: „Я не мѣшаюсь въ печатныя мнѣнія моихъ подданныхъ: это дѣло цензуры“ [2]). Все же, ради удовлетворенія союзнаго правительства, цензору Мерзлякову былъ сдѣланъ выговоръ, а Глинка „по политическимъ обстоятельствамъ“ уволенъ отъ службы при Московскомъ театрѣ [3]). Но эта репрессія, говоримъ, была только дипломатическимъ актомъ приличія нашего правительства въ отношеніи къ Франціи; она не отрывала Глинку отъ захватившаго его его глав-

---

[1]) Тамъ же, стр. 74, 72.

[2]) Тамъ же, стр. 75.

[3]) Но... tempora mutantur et mores mutantur... Тотъ же Глинка, не оставлявшій редакціоннаго дѣла въ прежнемъ направленіи, въ 1812 году былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени, какъ сказано было въ рескриптѣ, „за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяньми“. А графъ Ростопчинъ, надѣвая на Глинку орденъ, сказалъ ему: „священнымъ именемъ Государя Императора развязываю Вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки—на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на Васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мной“. Тамъ же, стр. 85—86.

наго патріотическаго дѣла. Конечно, если бы Россія находилась хотя въ какой-либо политической зависимости отъ Франціи, то Глинку, за анти-французское направленіе его журнала, постигла бы участь прусскаго министра Штейна, или даже худшая. Наполеонъ сумѣлъ бы направить духовное творчество Россіи по нужному ему руслу.

Совокупность всѣхъ отмѣченныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ Тильзитскимъ миромъ, создала въ Россіи такое боевое настроеніе противъ Франціи, что въ обществѣ стали замѣчаться признаки нѣкотораго броженія и недовольства политикой нашего правительства. Но императоръ Александръ не смущался этимъ, глубоко вѣрилъ въ правоту своихъ поступковъ для родины и до времени крѣпко отстаивалъ позицію, занятую имъ во французскомъ вопросѣ [1]). Онъ отлично сознавалъ, что рано или поздно Россіи придется вступить въ колоссальную борьбу съ Франціей, но для такой то борьбы и нужно было какъ слѣдуетъ собраться съ силами.

Недалеко уже было и до конца искусственной франко-русской дружбы, постепенно заволакивавшейся тучками. Наполеонъ давалъ обидныя для Россіи доказательства, что онъ не очень заботится о сохраненіи корректныхъ-

---

[1]) Характерно, что именно въ концѣ 1807-го и началѣ 1808 гг. извѣстный графъ Аракчеевъ опять выплылъ на верхъ административной іерархіи и Государемъ былъ надѣленъ очень обширными полномочіями; въ Высочайшемъ указѣ по поводу его назначенія говорилось: „объявляемыя генераломъ отъ артиллеріи графомъ Аракчеевымъ Высочайшія повелѣнія считать Именными Нашими указами". Это назначеніе Аракчеева уже само по себѣ говоритъ о наличности въ обществѣ недовольства политикой правительства, потому что графъ обычно выдвигался на авансцену государственной дѣятельности тогда, когда внутри Россіи не все было спокойно. Современникъ эпохи Жозефъ-де-Местръ такъ именно и объясняетъ надѣленіе Аракчеева высокими полномочіями: „Въ настоящую минуту, говоритъ онъ, порядокъ можетъ быть возстановленъ только человѣкомъ подобнаго закала; остается объяснить, какъ Его Величество рѣшился завести себѣ визиря.....; полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собой пугало пострашнѣе, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго". Историческіе очерки А. А. Кизеветтера. М. 1912 г. стр. 374—375.

отношеній съ союзникомъ; онъ обнадеживалъ, напримѣръ, поляковъ относительно возстановленія ихъ прежняго отечества, отнялъ владѣнія у герцога Ольденбургскаго, родственника нашего Государя и т. д. Эта некорректность еще болѣе усиливала антипатію къ французамъ въ русскомъ обществѣ. Съ другой стороны, и Россія—volens-nolens, прямо таки въ силу насущныхъ требованій экономической жизни, дѣлала отступленія отъ континентальной системы, ввела повышенный налогъ на французскіе колоніальные товары, чѣмъ, конечно, подрывала торговлю Франціи. Всѣ такія обстоятельства были достаточнымъ поводомъ, чтобы Наполеонъ окончательно раскрылъ свои карты предъ Россіей и приступилъ къ осуществленію своей давнишней мечты—подчинить себѣ послѣднее, оставшееся независимымъ, государство европейскаго континента и чрезъ это еще болѣе увеличить свою славу всемірнаго завоевателя, преемника политическихъ традицій Александра Македонскаго, Цезаря и Карла Великаго. Но къ 1812 году, когда окончательно опредѣлилась неизбѣжность столкновенія Запада и Востока Европы, русское правительство успѣло, по возможности, собраться съ силами; къ этому же времени и душа русскаго народа совершенно созрѣла для того, чтобы встрѣтить Наполеона, этого грознаго врага національной идеи, чтобы опрокинуть этого врага и отстоять свою національную независимость. Декабристъ С. Г. Волконскій такъ характеризуетъ крайне повышенное настроеніе русскаго общества передъ наступленіемъ военныхъ дѣйствій въ 1812 году: „пораженіе Аустерлицкое, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ Императора Александра передъ политикой Наполеона I[1])—были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого—и весьма мало ихъ было—почитался отверженнымъ,

[1]) Выше мы видѣли, чѣмъ объяснялась *видимая* пассивность нашего Государя предъ политикой Наполеона.

презирался... Дружное желаніе отомстить объяло всѣ сердца, и хотя были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе. Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывался при каждомъ случаѣ. Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась чтеніемъ военныхъ книгъ пріобрѣтать болѣе познанія въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ“ [1]). Такъ крѣпко была забронирована русская народная душа въ 1812 году, такія чувства переживала она въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ 12 іюня перешелъ рѣку Нѣманъ и вступилъ въ предѣлы Россіи.

Въ чемъ же и какъ проявилось активное участіе русскаго народа въ спасеніи имъ своего отечества, какимъ путемъ наши предки достигли того, что Наполеонъ, по выраженію Н. М. Карамзина, „пришедши въ Россію тигромъ, убѣжалъ отсюда зайцемъ“ [2]), что наша родина стала могилой военной славы грознаго завоевателя—вотъ вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь обратимся.

Начало народной войны, понимаемой въ данномъ случаѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ—въ смыслѣ бурныхъ всенародныхъ манифестацій, опредѣлившихъ тонъ послѣдующаго національнаго движенія, справедливо относится современниками къ 12 іюля 1812 года, когда Государь прибылъ въ Москву послѣ объявленія Высочайшей воли о созывѣ народнаго ополченія. Именно съ этого момента, по мнѣнію князя П. А. Вяземскаго, „война приняла характеръ войны народной“ [3]). Чудное высокопатріотическое описаніе начала народнаго движенія даетъ въ своихъ

---

[1]) Довнаръ-Запольскій — „Обзоръ новѣйшей русской исторіи“, стр. 122.

[2]) Изъ письма къ И. И. Димитріеву—см. у В. В. Каллашъ: „12-й годъ...“, стр. 215.

[3]) „Воспоминанія о 12-мъ годѣ“—тамъ же, стр. 229.

„Запискахъ“ С. Н. Глинка. „Іюля 12, говоритъ онъ, съ первымъ мельканіемъ зари утренней, народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли, матери съ грудными младенцами—все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго лѣтняго дня. Въ 9 часовъ утра явился на Красномъ Крыльцѣ Александръ I, явился, какъ ангелъ Божій, подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Съ звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: „ура, да здравствуетъ Царь-Государь. Веди насъ, куда хочешь, веди насъ, нашъ Отецъ. Умремъ или побѣдимъ“. Такъ восклицало *душевное ополченіе* русскаго народа“. Уже здѣсь Государь „убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи“. Въ этотъ день „не утварью царскою, не блескомъ вѣнца—Александръ украшался любовью народной, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ именинный день Александра I. На алтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной народъ и отечество радостно возлагали и достояніе, и жизнь свою“. По мѣрѣ движенія Государя съ Краснаго Крыльца „на каждой ступени со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами“. „То пиръ былъ, замѣчаетъ Глинка, пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему“ [1]). Не меньшій энтузіазмъ проявили, въ частности, дворянство и купечество, когда къ нимъ, собраннымъ 15 іюля въ Слободскомъ дворцѣ, явился Государь съ предложеніемъ принять участіе въ борьбѣ за отчизну. „Этого дня (т. е. 15 іюля), говорилъ Государь, я никогда не забуду“. Горячо откликнулись на горе народное и представители Церкви: Святѣйшій Синодъ передалъ на военныя нужды значительную часть денежныхъ средствъ, собранныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на обезпеченіе духовныхъ школъ и духовенства. Такое настроеніе всѣхъ слоевъ русскаго народа, по мнѣнію совре-

[1]) Тамъ же, стр. 80—82.

менника кн. П. А. Вяземскаго, было „не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ Государя; нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между Государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость расчесться и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ бы онъ ни былъ“ [1]).

Народное воодушевленіе, послѣ отмѣченныхъ патріотическихъ манифестацій, въ годину испытанія реализовалось въ слѣдующихъ двухъ основныхъ фактахъ—въ подвигахъ дѣйствующей арміи и въ народной войнѣ, понимаемой въ болѣе узкомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Дѣйствія русскихъ войскъ могутъ и даже должны быть показателемъ народнаго настроенія потому, что наша армія была плотью отъ плоти русскаго народа; а извѣстна пословица, что яблочко отъ яблони недалеко катится.

Намъ нѣтъ необходимости входить въ подробную оцѣнку состава и дѣятельности обѣихъ армій—русской и непріятельской. Въ интересахъ нашей задачи достаточно отмѣтить лишь общій планъ, такъ сказать, идею военныхъ дѣйствій и указать нѣкоторые наиболѣе важные моменты послѣднихъ. Если невозможно *точно* учесть численный составъ столкнувшихся на русской территоріи армій, то едва ли нельзя признать безспорнымъ то положеніе, что непріятельскія войска, предводимыя геніальнымъ полководцемъ, все-же превосходили наши и количествомъ, и военнымъ искусствомъ. Русской арміи было бы, конечно, рискованно стараться возможно скорѣе схватиться съ непріятелемъ въ открытомъ, рѣшительномъ бою. Поэтому, со стороны нашихъ предковъ былъ принятъ, какъ обычно говорятъ, скиѳскій планъ войны, заключавшійся въ томъ, чтобы, путемъ постепеннаго отступленія, завлечь врага

[1]) Тамъ же, стр. 230.

въ глубь страны, отдалить его отъ его отечества, и тѣмъ отрѣзать ему удобную возможность постоянно подкрѣпляться людьми и провіантомъ. Само собой понятно, что при осуществленіи и такого плана войны невозможно было избѣжать болѣе или менѣе рѣшительныхъ столкновеній, при которыхъ случались тактическія ошибки съ той и съ другой стороны. Но замѣчательно—оплошность французовъ совпадала съ самыми критическими для русскихъ моментами. Едва ли несправедливо оцѣниваетъ это совпаденіе одинъ обозрѣватель военныхъ дѣйствій 1812 года: „приходится дивиться, говоритъ онъ, что при крайне незначительномъ числѣ грубыхъ тактическихъ промаховъ въ арміи Наполеона, послѣдніе падали именно на критическія минуты состоянія нашей арміи. То безталанный Іеронимъ просидитъ нѣсколько дней безцѣльно въ Ковнѣ, когда ему необходимо двигаться впередъ, то упрямый Жюно затѣетъ во время боя споръ и стоитъ полдня безцѣльно на мѣстѣ, то, какъ это было при Бородинѣ, онъ же своей медлительностью спасаетъ положеніе русской арміи, то, наконецъ, самъ Наполеонъ, такъ рѣдко дѣлавшій ошибки, обманется на счетъ намѣреній врага и сдѣлаетъ ложный шагъ, замедливъ наступленіе... Счастливая случайность, скажетъ кто-либо; Богъ спасалъ, скажемъ мы“ [1]). Конечно, не однѣ неудачи непріятеля спасали русскую армію, при ея отступленіи, отъ полнаго разгрома. Объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ Бородинское сраженіе, являющееся, такъ сказать, гвоздемъ всѣхъ военныхъ дѣй-

---

[1]) Журналъ „Пастырь“ 1912 г. № 5, стр. 4. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ тотъ же обозрѣватель военныхъ дѣйствій, надо отмѣтить, что этого рода неуловимыя человѣческимъ разумѣніемъ причины играли большую роль въ войнѣ 1812 года“. Конечно, скажемъ мы; чѣмъ, напримѣръ, какъ не чудеснымъ дѣйствіемъ Промысла Божія нужно объяснить слѣдующій фактъ, передаваемый въ воспоминаніяхъ Норова: послѣ попытокъ Наполеона взорвать Московскій Кремль, между прочимъ, оказалось, что башня Никольскихъ воротъ, отъ верха вплоть до образного кіота, была обрушена, но самый кіотъ съ образомъ Николая Чудотворца *и даже со стекломъ* остались невредимы“. В. В. Каллашъ—„12 годъ...“ стр. 209.

ствій русскихъ. Проф. генералъ-лейтенантъ Колюбакинъ, какъ спеціалистъ изучившій дѣло 26 августа, причисляетъ Бородино „къ достославнымъ боевымъ именамъ Куликова поля и Полтавы, не взирая на различіе видимыхъ результатовъ и ближайшихъ послѣдствій". „Въ сознаніи солдатской массы, говоритъ онъ, въ чуткомъ народномъ сознаніи до нашего времени, въ литературѣ и въ поэзіи, по непостижимой логикѣ, Бородино оставило впечатлѣніе побѣды" [1]). Даже Наполеонъ въ недавно обнародованномъ его черновомъ приказѣ, писанномъ въ ночь съ 26 на 27 августа, но случайно не объявленномъ предъ войсками, признаетъ себя побѣжденнымъ и приглашаетъ армію съ удвоенной энергіей встрѣтить послѣдующія сраженія. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ констатируется не физическая, а моральная побѣда нашихъ предковъ надъ непріятелемъ. Однимъ изъ главныхъ условій такой побѣды, по свидѣтельству главнокомандующаго Кутузова, была „твердость духа россійскаго солдата, жертвовавшаго съ бодростью жизнью за свое отечество". „Я питаю много надежды, писалъ Кутузовъ въ письмахъ съ поля сраженія, духъ въ арміи чрезвычайный, армія въ полномъ духѣ". Этотъ же фактъ подтверждается и другими полководцами, участвовавшими въ битвѣ. „Армію знаю въ страшномъ духѣ, писалъ князь Багратіонъ Растопчину, и мы всѣ (т. е. начальники), истинно говорю, только бы дали волю". А. П. Ермоловъ очень ярко и болѣе подробно изображаетъ проявленіе подъ Бородинымъ „духа россійскаго солдата": „сраженіе сіе, говоритъ онъ, жесточайшее изъ всѣхъ въ послѣднія войны. Не было сраженія, въ которомъ бы оказано болѣе равнодушія къ опасностямъ, болѣе терпѣнія, твердости, рѣшительнаго презрѣнія къ смерти. Сомнѣніе въ успѣхѣ не ослабило духа войскъ, только вызвало къ напряженіямъ, едва силы человѣческія не превосходящимъ. Все испытано въ этотъ день, до чего можетъ возвыситься достоинство человѣка.... Любовь къ отечеству, преданность Государю никогда не имѣли до-

[1]) „День Бородина" — „Русское Слово" 1912 г. № 197.

стойнѣйшихъ жертвъ; повиновеніе безпредѣльное, строгость, соблюденіе порядка, чувство гордости быть отечества защитникомъ не имѣло славнѣйшихъ примѣровъ" [1]). Подобныя же свидѣтельства, что особенно знаменательно, во множествѣ идутъ и изъ лагеря противника. Напримѣръ, маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что у русскихъ подъ Бородинымъ „было поражено тѣло, но не душа арміи". „Я участвовалъ не въ одной компаніи, пишетъ Франсуа, но никогда еще не участвовалъ въ такомъ кровопролитномъ дѣлѣ и съ такими выносливыми солдатами, какъ русскіе" [2]). Съ такимъ же настроеніемъ русскихъ непріятель сталкивался и во все продолженіе военныхъ дѣйствій. Еще въ началѣ похода, около Полоцка, Сенъ-Сиръ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что „русскіе выказали непоколебимую храбрость и личное мужество, примѣры котораго можно рѣдко встрѣтить въ войскахъ другихъ націй" [3]). О другомъ дѣлѣ, около Могилева, генералъ Жиро еще энергичнѣе отзывается; здѣсь, отмѣчаетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, „въ первый разъ пришлось намъ признать, что русскіе, какъ говорили про нихъ, дѣйствительно, стѣны, которыя нужно было разрушить. Русскій солдатъ превосходно выдерживаетъ огонь; и легче уничтожить его, чѣмъ заставить отступить" [4]). „Русскіе, восторгается третій мемуаристъ, великолѣпный боевой матеріалъ. Въ рукахъ геніальнаго полководца и способныхъ офицеровъ чего не сдѣлаютъ они, равнодушно умирающіе на самыхъ невозможныхъ позиціяхъ". Такіе отзывы русскихъ и иностранцевъ подтверждаются очень и очень многими краснорѣчивыми фактами изъ боевой жизни 1812 года, не считая знаменитаго Бородинскаго сраженія. Не говоря уже про воспоминанія русскихъ современниковъ годины испытанія, даже ме-

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) „Французы въ Россіи 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ". М. 1912 г. ч. I, стр. 154.

[3]) Тамъ же, стр. 67.

[4]) См. тамъ же, стр. 49.

муары иностранцевъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ непріятельской арміи, представляютъ изъ себя богатѣйшую лѣтопись подвиговъ русской отваги. Поистинѣ переносишься мыслью въ давно-прошедшую эпоху рыцарства, когда узнаешь о такомъ, напримѣръ, случаѣ: казачій атаманъ Платовъ, стяжавшій себѣ завидную славу героя, обѣщаетъ руку своей дочери тому, кто схватитъ Наполеона живымъ и доставитъ ему, Платову; обѣщаніе касалось все-равно и рядовыхъ солдатъ, если бы кто изъ нихъ оказался виновникомъ плѣненія французскаго императора. Наполеонъ былъ очень смущенъ подобными слухами [1]). И казаки въ своей дѣятельности были достойны своего атамана: „смѣлость казацкихъ отрядовъ невѣроятна“, отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ Ложье, вскорѣ по выходѣ непріятеля изъ Москвы [2]). „Казаки, пишетъ Комбъ послѣ сраженія у Малоярославца, внушали нашимъ солдатамъ ужасъ партизанскою войною, которую они вели съ нами съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ, врасплохъ нападая на отряды, которые сбивались съ дороги, выходя, какъ стая свирѣпыхъ волковъ, изъ самыхъ густыхъ лѣсовъ“ [3]). Мы уже не говоримъ объ исключительной отвагѣ и находчивости другихъ партизанскихъ отрядовъ, которые ставили своей задачей при всякомъ удобномъ случаѣ тѣснить, безпокоить и, такъ сказать, утомлять непріятеля, и среди предводителей которыхъ встрѣчаются такія, напримѣръ, имена, увѣнчанныя военной славой, какъ Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Четвертаковъ, Кудашевъ и другіе [4]). Если профессоръ Колюбакинъ про Бородинское сраженіе говоритъ, что оно „на вѣки вѣковъ есть памятникъ великаго подвига духа Россійской арміи“ [5]), то совершенно

---

[1]) См. тамъ же, ч. II, стр. 146

[2]) См. тамъ же, стр. 125.

[3]) Тамъ же, стр. 157.

[4]) Очень интересный дневникъ партизанскихъ дѣйствій см. у В. В. Каллаша. „12 годъ...“ стр. 96—181.

[5]) „Русское Слово“ 1912 г. № 197.

безпристрастно это же должно сказать и о всѣхъ выступленіяхъ нашихъ войскъ въ 1812 году. А такъ какъ наша армія получила нравственное воспитаніе въ нѣдрахъ русскаго народа, была лишь частью его, то, слѣдовательно, ея дѣятельность въ то же время есть „на-вѣки вѣковъ памятникъ великаго духа“ и великаго русскаго народа.

Но русскій народъ, не считая арміи, и отъ себя принесъ немалую лепту за спасеніе своей національной самобытности. Онъ вступилъ въ, такъ называемую, народную войну съ непріятелемъ, проявлявшуюся въ двухъ формахъ. Во-первыхъ, онъ оказывалъ, если можно такъ выразиться, пассивное сопротивленіе; предъ проходомъ непріятеля русскій человѣкъ уничтожалъ все, встрѣчавшееся на пути послѣдняго: дома и вообще постройки съ имуществомъ предавалъ сожженію, а продукты продовольствія такому или иному уничтоженію, самъ же скрывался отъ врага гдѣ-нибудь въ лѣсахъ и вообще въ укромныхъ мѣстахъ. По образному выраженію Сегюра, русскій человѣкъ выдвигалъ преграду между собой и непріятелемъ—„голодъ, пожары и опустошеніе“ [1]). Такая форма народной войны естественно обрекала французское войско на голодъ и, по мѣрѣ приближенія зимы, холодъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Эта русская лепта за спасеніе національной идеи, этотъ самоотверженный героизмъ народнаго духа настолько исключительны и настолько велики по своему значенію, что безъ нихъ не было бы и побѣдоноснаго исхода войны 1812 года. Планъ войны, въ видѣ постепеннаго отступленія, былъ геніальный—это правда; но этотъ планъ оказался плодотворнымъ только *по связи* съ народной войной. Слѣдуя не по разоренной дорогѣ, Наполеонъ могъ бы держаться въ Россіи долгое время, и войска его, не испытывая никакихъ лишеній, въ концѣ всего все-же разгромили бы нашу армію. Съ другой стороны, сжечь свое достояніе предъ завоевателемъ могъ только *самъ* русскій человѣкъ, по своей доброй волѣ. Если же, допустимъ, опустошеніе входило бы въ планъ нашего правительства и по-

[1]) «Французы въ Россіи...», ч. I, стр. 82.

приказу послѣдняго было бы совершено нашими войсками, то, возможно, что народъ воспротивился бы такому методу дѣятельности и опрокинулся бы на свои же собственныя войска. Слѣдовательно, народная война въ отмѣченной ея формѣ, какъ добровольная жертва сердца самого русскаго человѣка, повторяемъ, есть условіе, безъ котораго не было бы нашей побѣды въ 1812 году.

Такое участіе народа въ Отечественной войнѣ сильно поразило непріятеля и оставило значительный слѣдъ въ воспоминаніяхъ иностранцевъ, участвовавшихъ въ войскахъ Наполеона. Еще подъ Полоцкомъ, во второй половинѣ іюля, Гаспаръ Шумахеръ заноситъ въ свой дневникъ: „къ несчастію, очень трудныя препятствія пресѣкали намъ путь. Почти во всѣхъ мѣстахъ, куда мы приходили, съѣстные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей не было: они убѣжали, унося съ собой свою провизію въ большіе окрестные лѣса“ [1]). „Вѣрные своей системѣ, пишетъ Ложье послѣ Витебска, русскіе и здѣсь (повсюду, гдѣ успѣли) сожгли свои магазины, разсыпали зерно и уничтожили все, чего не могли захватить“ [2]). Такая картина неизмѣнно повторялась до самой Москвы, въ окрестностяхъ которой крестьяне тоже „сжигали свои дома, усадьбы, хлѣбъ, новый урожай и только что снятый съ луговъ сѣнокосъ“ [3]). „Можно себѣ представить, какъ мы страдали отъ такого раззоренія“— пишетъ Ларрей [4]). „Голодъ продолжалъ дѣлать опустошенія въ нашей арміи, замѣчаетъ Вьоне-де-Маренгоне на пути отъ Бородина къ Москвѣ; мясо лошади и то стало рѣдкимъ, его ѣли на-половину тухлое и продавали по дорогой цѣнѣ; цѣны на хлѣбъ уже не существовало—его у насъ больше не было“ [5])... Постоянныя лишенія вносили деморализацію въ армію, которая считала себя нравственно

---

[1]) Тамъ же, стр. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 86.

[3]) Тамъ же, стр. 169 – изъ воспоминаній Лабома; ср. стр. 78, ч. II, стр. 147.

[4]) Тамъ же, ч. II, стр. 111.

[5]) Тамъ же, стр. 172.

правой въ своемъ антидисциплинарномъ поведеніи. На упрекъ, брошенный арміи Наполеономъ въ этомъ смыслѣ около Витебска, французскіе военные разсуждали между собой: „императоръ, говорили они, жалуется на войско, но войско имѣетъ болѣе причинъ жаловаться на него; онъ требуетъ многаго, тогда какъ недостатокъ у насъ во всемъ. Развѣ онъ не видитъ, что здѣшній край—не Австрія и не Италія... Онъ обманутъ незнаніемъ того края, куда перенесъ войну. Каждый день намъ приходится бороться со всевозможными затрудненіями, оставаться каждый день голодными... На походѣ у насъ нѣтъ палатокъ и никакой защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Придетъ солдатъ усталый и голодный въ мѣстность, гдѣ нѣтъ припасовъ; какъ ему запретить идти на поиски пищи“ [1]).

Непривѣтливая встрѣча непріятеля со стороны русскаго народа и начинавшаяся вслѣдствіе этого деморализація непріятельскаго войска, конечно, должны были повергнуть Наполеона въ раздумье, и еще въ Витебскѣ, по отзыву Сегюра, завоеватель, дотолѣ находившійся подъ обаяніемъ своей неизмѣнной военной славы, „удивленъ, колеблется, останавливается“. Онъ убѣждается здѣсь, что ему приходится вести войну не съ королями, „войну съ классами, войну съ партіями, войну религіозную и національную—всѣ войны разомъ. Императоръ увидалъ тогда всю необъятность своего предпріятія. Пока на его пути были только короли, для него болѣе великаго, чѣмъ они, побѣда надъ ними была бездѣлицей; но короли побѣждены, онъ предъ народами; и здѣсь, на другомъ концѣ Европы, онъ опять наталкивается на ту же Испанію, но далекую, бѣдную, безконечную“ [2]), „Испанію безъ полей, безъ виноградниковъ, безъ городовъ“ [3]).

Между тѣмъ народная война готовила большее огорченіе непріятелю. Горѣвшій Смоленскъ, представлявшій, по поэтическому сравненію Дедема, „Трою въ роковую

---

[1]) Тамъ же, стр. 88—изъ воспоминаній Де-ла-Флиза.
[2]) Тамъ же, стр. 82.
[3]) Тамъ же, стр. 92.

ночь“ [1]), глубоко поразилъ войска противниковъ, не видавшихъ ничего подобнаго съ самаго начала военныхъ дѣйствій [2]). Это понятно. Вѣдь непріятельская „армія считала Смоленскъ концомъ своего утомительнаго похода; всѣ расчитывали войти въ городъ, изобилующій всѣмъ необходимымъ, и здѣсь отдохнуть, какъ слѣдуетъ“; но, „видя, какъ цѣль похода все болѣе и болѣе отдаляется, войска начали безпокоиться, вспоминая огромное разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ Франціи. Не мудрено, что войска упали духомъ“—такъ заключаетъ свою оцѣнку Смоленскаго пожара Жомини [3]).

Нерѣшительность и колебаніе, проявленныя Наполеономъ подъ Витебскомъ, еще болѣе захватываютъ завоевателя здѣсь, въ Смоленскѣ, „подъ вліяніемъ пожара, эпидемій и тѣхъ жертвъ, которыя окружаютъ его“ [4]); и многіе подчиненные ему генералы, по мотивамъ благоразумія, совѣтовали ему не двигаться далѣе [5]). Сложную канву думъ и чувствъ въ Наполеонѣ подмѣчаетъ въ это время Сегюръ: „лихорадочное безпокойство охватываетъ французскаго императора, но..... взоры его обращаются къ Петербургу и Москвѣ. Въ Петербургѣ—центръ управленія, узелъ, гдѣ связаны всѣ административныя нити, голова Россіи; тамъ же сухопутные и морскіе арсеналы, наконецъ, тамъ же онъ завладѣетъ единственнымъ пунктомъ сообщенія между Россіей и Англіей... Съ другой стороны—въ Москвѣ онъ нанесетъ ударъ могуществу и исконной чести дворянства и націи; дорога къ этой столицѣ короче, на ней меньше препятствій и больше средствъ къ существованію; на ней находится главная русская армія, которую надо уничтожить; здѣсь же, слѣдовательно, и возможность сраженія, и надежда поколебать націю ударомъ въ сердце въ этой національной войнѣ“ [6]). Такая соблаз-

---

[1]) Тамъ же, ч. II, стр. 14.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 103.
[3]) Тамъ же, стр. 92.
[4]) Тамъ же, стр. 82.
[5]) Тамъ же, ч. III, стр. 19.
[6]) Тамъ же, ч. I, стр. 82.

нительная перспектива, конечно, очень улыбалась честолюбивому завоевателю; она вывела его изъ состоянія нерѣшительности и, послѣ сравнительной оцѣнки Петербурга и Москвы, двинула на „сердце Россіи“. Путь отъ Смоленска къ Москвѣ, какъ мы сказали, шелъ опять черезъ опустошенныя поля и сожженныя деревни, и продолжалъ терзать сердце Наполеона.

Но кромѣ пассивнаго сопротивленія, выражавшагося въ уничтоженіи построекъ и съѣстныхъ продуктовъ, русскій народъ принималъ и активное участіе въ борьбѣ съ непріятелемъ на его пути отъ Нѣмана до Москвы. Наиболѣе храбрые изъ крестьянъ сами изъ себя составляли небольшіе отряды; вооружившись чѣмъ попало изъ сельско-хозяйственныхъ орудій—косами, вилами, топорами и т. п., подъ начальствомъ болѣе опытныхъ мѣстныхъ жителей, они—или давали удачный отпоръ непріятелю, когда послѣдній входилъ въ ту или другую деревню, или, при удобномъ случаѣ, сами переходили въ нападеніе на врага. Еще по выходѣ изъ Витебска Роосъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: „здѣсь всѣ противъ насъ; всѣ готовы либо защищаться, либо бѣжать; вездѣ меня встрѣчали непріязненно, съ упреками и бранью. Никто ничего не хотѣлъ давать.... Мужики вооружены пиками, многіе на коняхъ; бабы готовы къ бѣгству и ругали насъ такъже, какъ и мужики“ [1]). Около Рузы непріятель встрѣтилъ очень храброе ополченіе изъ крестьянъ, вооруженныхъ „кольями, копьями, или косами“, и предводимыхъ мѣстнымъ помѣщикомъ. Когда это ополченіе все-же было смято регулярнымъ французскимъ войскомъ, то предводитель крестьянъ воскликнулъ съ энтузіазмомъ: „какъ могу я пережить безчестіе моей родины. У насъ нѣтъ больше алтарей, наша имперія обезчещена. Берите мою жизнь, она мнѣ ненавистна“ [2]). Но иногда такіе импровизированные деревенскіе отряды добивались поразительно блестящихъ результатовъ. Однажды изъ Москвы въ одну изъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 90; ср. стр. 86.

[2]) Тамъ же. стр. 169.

ближайшихъ деревень былъ посланъ на фуражировку французскій военный отрядъ подъ начальствомъ полковника Кутейля. Жители деревни, запасшись военнымъ оружіемъ, но, главнымъ образомъ, вилами, косами и топорами, уничтожили весь отрядъ; спасся одинъ только Кутейль, благодаря „своей превосходной англійской лошади“ [1]).

Все-же главный сюпризъ народная война готовила Наполеону въ Москвѣ—разумѣемъ сожженіе столицы самими русскими вскорѣ же по вступленіи въ нее непріятеля. Неожиданный осьмидневный пожаръ Москвы, уничтожившій четыре пятыхъ части города, произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ иностранцевъ. „Вотъ когда предъ моими глазами, сообщаетъ Лабомъ, предстало зрѣлище, которое мое воображеніе не могло бы нарисовать себѣ даже при чтеніи самыхъ тягостныхъ страницъ древней и новѣйшей исторіи“ [2]). „Мы никогда не видѣли болѣе ужасающаго зрѣлища, пишетъ Кастелланъ: городъ больше Парижа, преданный огню“ [3]). „Пылавшій городъ, говоритъ Дедемъ, напомнилъ мнѣ пожары, истребившіе на моихъ глазахъ часть Константинополя и Смирны; но въ этотъ разъ было самое потрясающее зрѣлище, какое мнѣ довелось видѣть“ [4]). „Трудно представить себѣ картину ужаснѣе той, какая была у насъ предъ глазами, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Ларрей. Особенно зловѣща была ночь съ 6-го на 7-ое сентября: со всѣхъ сторонъ до самаго неба, покрывая весь горизонтъ, вздымались огромные разноцвѣтные столбы огня, распространяя на далекое пространство яркое зарево. Эти огненные снопы, разбрасываемые во всѣ стороны и увлекаемые сильнымъ вѣтромъ, съ зловѣщимъ сви-

---

[1]) Тамъ же, стр. 51, ч. 2; и во время отступленія изъ Москвы непріятель часто подвергался яростнымъ нападеніямъ со стороны вооруженныхъ крестьянъ, см., напр., стр. 174. Среди предводителей деревенскихъ отрядовъ выдѣлились своей отвагой и находчивостью—исправникъ Богуславскій, маіоръ Емельяновъ, помѣщикъ Энгельгардтъ, чиновникъ Шубинъ и др.

[2]) Тамъ же, стр. 44.

[3]) Тамъ же, стр. 8.

[4]) Тамъ же, стр. 13.

стомъ быстро поднимались вверхъ, сопровождаясь взрывами воспламенившагося пороха, селитры, смолы, масла или водки“ [1]). Но огненная стихія, конечно, не сама по себѣ была страшна иностранцамъ, а своими послѣдствіями для нихъ. „Это скверное событіе, говорилъ во время пожара штабъ—ротмистръ фонъ-Рейнгардтъ, оно сулитъ много зла, оно разомъ уничтожаетъ надежду на миръ и разрушаетъ то, что намъ такъ необходимо. Это не злая воля нашихъ, это признакъ большого озлобленія нашихъ противниковъ, это—жертва, которую они приносятъ, чтобы погубить насъ“ [2]). Дѣйствительно, пожаръ Москвы былъ жертвой, дорого стоившей русскому человѣку; сколько святынь тутъ поругано непріятелемъ, „сколько милліоновъ погребено подъ развалинами, сколько всевозможныхъ богатствъ превращено въ пепелъ, сколько произведеній искусствъ потеряно навсегда. Мы уже не говоримъ о безчисленныхъ (человѣческихъ) жертвахъ, погибшихъ въ огнѣ, ни объ исчезнувшихъ сокровищахъ въ библіотекахъ“ [3]). Но какъ ни велика была жертва по своей цѣнности, она все-же достаточно компенсировалась и именно гибелью врага. Неминуемая гибель, какъ непремѣнное послѣдствіе Московскаго пожара, ярко предносилась сознанію не только отдѣльныхъ иностранцевъ, но и широкихъ непріятельскихъ солдатскихъ круговъ: „армію это страшное бѣдствіе повергло въ большое уныніе, свидѣтельствуетъ Ларрей; оно предвѣщало намъ большія несчастія. Возможно было, что у насъ не будетъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни матеріаловъ, чтобы одѣть войско. Какую еще худшую картину могло намъ нарисовать наше воображеніе“ [4]). Такая перспектива, естественно, вносила въ непріятельскую армію, и безъ того уже достаточно разстроенную, все большую и большую деморализацію: „сами французскіе офицеры, по свидѣтельству Аб. Сюрюга, признавались, что со вре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 33.
[2]) Тамъ же, ч. 1, стр. 183; ср. стр. 189, ч. 2, стр. 53.
[3]) Тамъ же, ч 2, стр. 128 - изъ воспоминаній Аб. Сюрюга.
[4]) Тамъ же, стр. 34.

менъ французской революціи французская армія не была до такой степени деморализована", какъ въ Москвѣ [1]).

Тяжелыя предчувствія французской арміи оправдались. Пожаръ Москвы погубилъ не только непріятельское войско, но и весь грандіозный замыселъ Наполеона. „Сердце Россіи" послужило могилой военной славы когда-то всемогущаго императора Франціи. Въ высшей степени интересно характеризуетъ значеніе Московскаго пожара и, въ связи съ этимъ, свои рухнувшіе планы самъ Наполеонъ въ откровенной бесѣдѣ съ Меара. На вопросъ собесѣдника, чему, главнымъ образомъ, императоръ приписываетъ неудачу своей кампаніи, послѣдній держитъ такую рѣчь: „Раннему холоду и московскому пожару... Не будь московскаго пожара, мнѣ бы все удалось. Я провелъ бы тамъ зиму.... среди прекраснаго города, снабженнаго провіантомъ на цѣлый годъ. Но черезъ два дня послѣ нашего прибытія начался пожаръ... О! это было величественнѣйшее и самое устрашающее зрѣлище, когда-либо виданное человѣчествомъ! Ужасный пожаръ все разворилъ. Это обстоятельство меня взволновало. Я былъ готовъ ко всему, кромѣ этого. Одно это не было предусмотрѣно: кто бы подумалъ, что народъ могъ сжечь свою столицу. Если бы не этотъ роковой пожаръ, у меня было бы все необходимое для арміи, прекрасныя зимнія квартиры, разнообразные припасы въ изобиліи; на слѣдующій годъ рѣшилось бы остальное: Александръ заключилъ бы миръ—или я былъ бы въ Петербургѣ" [2]).

Московскій пожаръ, какъ мы сказали въ началѣ, былъ кульминаціоннымъ пунктомъ народной войны, ея заключительнымъ, самымъ страшнымъ аккордомъ; въ этой патріо-

---

[1]) Прошло не больше недѣли послѣ оставленія непріятелемъ Москвы, а Франсуа заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: „многочисленныя лишенія деморализуютъ солдатъ, которые идутъ, не смотря предъ собою, и съ полнымъ безразличіемъ толкаютъ, какъ генераловъ, такъ и своихъ товарищей. У всѣхъ блуждающій видъ.... Какъ узнать въ нихъ людей, полгода тому назадъ заставлявшихъ дрожать Европу?" Тамъ же, стр 174.

[2]) Тамъ же, ч. 3, стр. 383—385.

тической жертвѣ наши предки, можно сказать, превзошли сами себя. Къ безпримѣрному подвигу отчаянной народной войны ихъ побуждала, вообще говоря, самоотверженная любовь къ отечеству, непреодолимое желаніе во чтобы то ни стало отстоять свою національную независимость. Но сквозь сложную гамму патріотическихъ чувствъ, создавшихъ среди нашихъ предковъ бурное народное движеніе, особенно проступаетъ, какъ бы господствуетъ надъ другими, чувство религіозное—глубокая преданность православной вѣрѣ и Церкви, желаніе отразить непріятеля, какъ врага этой вѣры, отомстить ему, какъ хулителю русской святыни. Такой мотивъ народнаго движенія настолько очевидно пробивался наружу, что не остался незамѣченнымъ и иностранцами. „Это былъ святой городъ, говоритъ Дюверже про Смоленскъ. Религія заставляла русскихъ стараться изо всѣхъ силъ не дать ему попасть подъ чужеземное иго; и они выполнили свой долгъ“ [1]). „Все, что было (здѣсь) связано съ религіознымъ или патріотическимъ чувствомъ, все было сожжено“ [2]). Во время московскаго пожара московскіе обыватели „выражали полное безучастіе при видѣ своихъ горящихъ домовъ. Это былъ, замѣчаетъ Домергъ, какой-то восточный фанатизмъ. Одни довольствовались тѣмъ, что выносили святыя иконы и, набожно ставя ихъ предъ дверьми жилищъ, казалось, ожидали помощи Всемогущаго; другіе, поклонившись въ землю въ знакъ смиренія, удалялись, говоря: „такъ Богу угодно“ [3]). Одинъ москвичъ, уличенный въ поджогѣ дома и спрошенный Наполеономъ о причинахъ вообще московскихъ пожаровъ, отвѣтилъ: „мы исполняемъ священный долгъ“ [4]). Религіозное чувство, всегда достаточно сильное въ русскомъ человѣкѣ, въ данный моментъ еще болѣе было возбуждено безтактнымъ отношеніемъ Наполеона и его войскъ къ народной святынѣ. Этотъ фактъ очень хорошо выяс-

---

[1]) Тамъ же, ч. 1, стр. 95—96.
[2]) Тамъ же, стр. 92—изъ воспоминаній Жомини; ср. стр. 81.
[3]) Тамъ же, ч. 2, стр. 41.
[4]) Тамъ же, стр. 40.

няетъ Де-ла-Флизъ въ своихъ мемуарахъ: „ошибки Наполеона, говоритъ онъ, были различныя и неисправимыя. Онъ вступилъ войною въ страну, не имѣя понятія ни о нравахъ, ни о характерѣ русскихъ. Въ Египтѣ, напр., онъ оказывалъ столько почтенія магометанству, что можно было ожидать его перехода въ эту вѣру. Въ Италіи, Австріи и Испаніи—вездѣ онъ покровительствовалъ мѣстному духу религіи и казнилъ святотатцевъ. Но въ Москвѣ онъ точно не зналъ, что и русскіе привязаны къ своей вѣрѣ; онъ не обратилъ вниманія на то, какъ глубоко почитали русскіе своихъ святыхъ, какъ дороги для нихъ церкви и важенъ санъ священника. И что же вышло? Не предупредивъ войска строгими приказаніями имѣть должное уваженіе къ церквамъ, иконамъ и духовенству, онъ навлекъ этимъ опущеніемъ ненависть народа на французовъ. Въ глазахъ русскихъ они хуже мусульманъ, потому что обращали церкви въ конюшни... Изъ неуваженія французовъ къ русскимъ церквамъ русскіе заключили, что французы посягаютъ на вѣру и, конечно, не знали за то предѣловъ своей ненависти къ непріятелю“ [1]).

Да и вообще религіозное чувство опредѣляло, если можно такъ выразиться, тонъ всей психики нашихъ предковъ въ годину испытанія: оно не только возбуждало ихъ къ энергичному отраженію врага; нѣтъ—въ религіи вообще видѣли такую крѣпкую броню, которая можетъ защитить отъ всѣхъ возможныхъ превратностей тяжелой текущей дѣйствительности. Не краснорѣчиво ли говорятъ за это слѣдующіе факты. Вотъ Смоленскъ покинутъ жителями; „немногіе оставшіеся жители укрылись въ церквахъ, гдѣ они, полные ужаса, ждутъ касающагося ихъ постановленія“ [2]); вотъ на Бородинскихъ поляхъ, предъ битвой, по

---

[1]) Тамъ же, стр. 76—77, 198; ср. стр. 65, 120. Любопытно—партизанъ Давыдовъ, чтобы имѣть наиболѣе яркое отличіе отъ военныхъ лицъ непріятельской арміи и тѣмъ спасти себя отъ яростныхъ нападеній со стороны русскихъ вооруженныхъ крестьянъ, надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, вмѣсто ордена св. Анны *повѣсилъ образъ св. Николая* и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ. В. В. Каллашъ „12 годъ...“, стр. 107.

[2]) „Французы въ Россіи“ ч. 1, стр. 103.

рядамъ русскихъ войскъ проносится чудотворная икона Смоленской Божіей Матери и испрашивается покровъ и защита Царицы Небесной на русское правое дѣло; вотъ французы вступаютъ въ Москву и что же они застаютъ? „Въ нѣкоторыхъ церквахъ, говоритъ Лабомъ, алтари были разукрашены, какъ въ дни большихъ праздниковъ; горѣли тысячи свѣчей у престола, что свидѣтельствовало о томъ, что москвичи неустанно продолжали молиться до послѣдней минуты своему любимому святому. Торжественность и святость окружающей обстановки внушали намъ большое уваженіе къ побѣжденному нами народу и невольный страхъ, который порождаетъ всякая сдѣланная большая несправедливость“ [1]). И высшее общество, повидимому, въ значительной степени было одушевлено религіознымъ чувствомъ. Вотъ что, между прочимъ, писала одна изъ представительницъ этого общества, Марія Аполлоновна Волкова къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской въ письмѣ еще отъ 5 августа 1812 года: „мы съ мамà пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога. Мнѣ вполнѣ понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ [2]). Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ“ [3]).

Мы глубоко убѣждены, что именно интенсивное религіозное чувство нашихъ предковъ удержало русскій народъ въ его массѣ отъ соблазнительной перспективы передаться на сторону Наполеона и за это, послѣ порабощенія Россіи, получить отъ него свободу отъ крѣпостной зависимости. А Наполеонъ очень расчитывалъ на этотъ планъ и, желая добиться успѣха, распространялъ въ нашихъ войскахъ и среди народа манифестъ, въ которомъ въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ и мрачныхъ краскахъ рисовался крѣпостной бытъ; „недалеко однако то время,

---

[1]) Тамъ же, стр. 175.
[2]) Москвѣ.
[3]) В. В. Каллашъ—«12 годъ...», стр. 250.

гласилъ манифестъ императора французовъ, когда мы уничтожимъ рабство въ русской имперіи и возстановимъ ваши права. Крестьянинъ станетъ одновременно и подданнымъ, и гражданиномъ. Онъ сдѣлается хозяиномъ своего времени и въ правѣ будетъ распоряжаться своимъ трудомъ“ [1]). Правда, отдѣльныя вспышки народнаго возмущенія были по мѣстамъ и, можетъ быть, въ зависимости, отчасти, отъ французской пропаганды, но народъ въ своей массѣ, повторяемъ, остался вѣренъ національной идеѣ, за которую боролся, не измѣнилъ вѣрѣ православной, Царю и отечеству. Не таковъ былъ русскій человѣкъ, чтобы въ годину испытанія передаться на сторону врага, отказавшись ради матеріальнаго благополучія, ради, такъ сказать, „чечевичной похлебки“ отъ коренныхъ, исконныхъ устоевъ своего національнаго быта. Каковы были наши предки—мы уже видѣли, а вотъ и еще очень яркое свидѣтельство. Одинъ хохолъ, взятый въ плѣнъ къ непріятелю, говорилъ ухаживавшему за нимъ французскому врачу Гуличу: „вы люди добрые, но царь вашъ злодѣй: что сдѣлалъ ему нашъ царь, что хочетъ онъ отъ нашей Матушки-Россіи? Подымись—ты, святая земля, отстаивай нашу вѣру, нашего царя и нашу родину“. Это были послѣднія его слова предъ смертью. „Таковы всѣ они, замѣчаетъ докторъ Гуличъ о русскихъ. Боюсь, чтобы нашъ императоръ не затѣялъ опасной для него исторіи“ [2]).

Если религіозное чувство нашихъ предковъ било такимъ сильнымъ ключомъ, если оно создавало одинъ изъ рѣшающихъ моментовъ борьбы со врагомъ, то уже отсюда можно заключить, что русское православное духовенство, представители Церкви, какъ непосредственные воспитатели этого чувства, высоко несли свое знамя въ 1812 году, вѣрно

---

[1]) Шюке—«1812 годъ, война съ Россіей» стр. 35—38, 40—50; цитировано по «Вѣстнику Европы» 1912 г. іюль, стр. 222. Указаніе на французскую пропаганду въ этомъ смыслѣ есть въ мемурахъ Сегюра и маркиза Пасторе, см. «Французы въ Россіи» ч. 1, стр. 81, 83; ср. ч. 3. стр. 383.

[2]) «Гибель Наполеона»—издан. Кирхейзена, стр. 46—47, 50; цитировано по «Вѣстнику Европы», 1912 г., стр. 222.

служа Церкви, Царю и отечеству. И дѣйствительно, духовенство въ памятную годину выдѣлило изъ себя очень и очень немало истинныхъ героевъ духа, вполнѣ достойныхъ быть занесенными золотыми буквами на скрижали исторіи пережитаго лихолѣтья. Въ Отечественную войну мы видимъ членовъ клира, исполняющихъ долгъ предъ Богомъ, отечествомъ и своими пасомыми—въ самой разнообразной формѣ.

Одни изъ нихъ принимаютъ горячее участіе въ организаціи вооруженныхъ крестьянскихъ отрядовъ; таковъ священникъ Рождественскаго собора г. Вереи о. Іоаннъ Никифоровичъ Скобѣевъ, бывшій около Вереи правой рукой извѣстнаго партизанскаго вождя И. С. Дорохова и награжденный потомъ за свои заслуги рѣдкимъ въ то время отличіемъ—золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ [1]). Если о. Скобѣевъ, какъ священнослужитель, только организовывалъ вооруженные отряды, но лично не участвовалъ въ ихъ кровопролитныхъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ, то церковно-служители въ большомъ количествѣ вступали въ ряды партизановъ, а нѣкоторые изъ нихъ прославились даже какъ отважные, находчивые и очень полезные предводители импровизированнаго деревенскаго войска. Таковъ дьячекъ Василій Григорьевичъ Рагузинъ изъ села Рюховскаго, Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда [2]), дьячекъ Пятницкой церкви, города Рославля, Савва Крастелевъ, пономарь села Савенокъ, Смоленской губерніи, Смирягинъ [3]).

---

[1]) Интересный, хотя и краткій, очеркъ дѣятельности о. Скобѣева и его очень близкихъ отношеній къ Дорохову см. „Моск. Церк. Вѣд.“ 1912 г. № 17, стр. 436–439.

[2]) Тамъ же, стр. 432–436.

[3]) „Церковный Вѣстникъ“ 1912 г. № 31, стр. 962. „Дьячекъ Савва Крастелевъ, говоритъ авторъ помѣщенной здѣсь статьи, проявилъ чудеса храбрости, командуя составленнымъ имъ изъ бездомныхъ крестьянъ партизанскимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ уничтожилъ тысячи мародеровъ и спасъ десятки деревень и усадебъ отъ разграбленія ихъ французами. Герой-дьячекъ поплатился за свою храбрость жизнью, вступивши однажды въ отчаянный бой съ непріятелемъ“.

Другіе священнослужители предупреждали крестьянскія волненія противъ помѣщиковъ и умиротворяли своихъ насомыхъ, возбужденныхъ вышеотмѣченной пропагандой со стороны непріятеля. Таковы, напримѣръ, священники Московской губерніи—Звенигородскаго уѣзда о. Василій Васильевъ и Волоколамскаго—о. Николай Ивановичъ Воробьевъ [1]).

Третьи—отстаивали своею грудью и жизнью неприкосновенность своихъ храмовъ и хранившихся въ нихъ святынь. Такихъ случаевъ особенно много было въ Москвѣ, о богатствѣ храмовъ которой французы имѣли, очевидно, преувеличенное представленіе. Отмѣтимъ изъ нихъ два наиболѣе выдающихся. Священникъ Сороко-Святской церкви подъ Новоспасскимъ монастыремъ Петръ Гавриловичъ Святославскій 2-го сентября, на тербованіе непріятеля, отказался дать ключи отъ церкви. Французы искололи его штыками, но онъ остался живъ и всю ночь на 3-е число, въ большихъ страданіяхъ, пролежалъ въ лужѣ собственной крови. Только на утро, одинъ изъ проходившихъ непріятельскихъ офицеровъ, пожалѣлъ о. Петра и, чтобы окончить его мученія, пристрѣлилъ его. „Наскоро зарытый безъ гроба и отпѣванія на кладбищѣ Новоспасскаго монастыря, о. Петръ три раза былъ вырываемъ непріятелями изъ могилы, которые думали найти при немъ золото, или серебро, или драгоцѣнныя одежды". И лишь „5 декабря, съ разрѣшенія преосвященнаго Августина, тѣло его еще разъ было вырыто изъ земли и онъ былъ отпѣтъ по чиноположенію церковному. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что тѣло его, пролежавъ въ землѣ три мѣсяца и три дня, *не было* повреждено тлѣніемъ, а изъ ранъ истекала еще кровь" [2]). Другой случай: протопопъ церкви св. Сергія въ Рогожской, на требованія французовъ—выдать храмовыя драгоцѣнности, вышелъ къ нимъ со св. крестомъ и сказалъ на знакомомъ ему французскомъ языкѣ: „возь-

---

[1]) Очеркъ ихъ дѣятельности см. „Моск. Церк. Вѣдом." 1912 годъ, № 20—21, стр. 500—503.

[2]) Тамъ же, № 10, стр. 283—284.

мите все наше имущество, но сохраните уваженіе къ храму Божьему". Батюшка хотѣлъ продолжить свою рѣчь, но палъ изрубленный врагами [1]). Много подобныхъ же звѣрствъ позволяли французы въ Москвѣ и съ другими лицами священническаго и монашескаго чина, честно и беззавѣтно исполнявшими данныя ими обѣщанія предъ Богомъ и предъ родиной [2]).

Наконецъ, послѣдняя—четвертая группа священнослужителей—это тѣ, которые, и по занятіи Москвы и ея окрестностей непріятелемъ, не покидали своихъ храмовъ, непрерывно продолжали въ нихъ пѣть службу Божію и утѣшали больныхъ и умирающихъ напутствіемъ св. Тайнъ, иногда даже въ пяти—шести сосѣднихъ приходахъ, такъ какъ священники послѣднихъ, по человѣческому малодушію, бѣжали отъ врага. Вся нравственная тяжесть такого подвига будетъ понятна, если принять во вниманіе, что эти священнослужители, при исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, всегда находились подъ страхомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 282.

[2]) Тамъ же; ср. „Духовенство въ 1812 году"—„Церковный Вѣстникъ" 1912 г. № 31. Случаи, когда защита духовенствомъ храмовыхъ святынь отъ осквернения непріятелемъ имѣла мирный исходъ, составляли исключеніе. Характерную въ этомъ отношеніи картину изъ жизни Саввина Звенигородскаго монастыря рисуетъ иностранный мемуаристъ Лабомъ. По вступленіи въ монастырь „мы попросили, пишетъ Лабомъ, чтобы насъ сейчасъ же отвели къ игумену монастыря.... Нашъ гидъ не повелъ насъ въ помѣщеніе игумена, а отправился къ маленькой келійкѣ, гдѣ было нѣсколько монаховъ, стоявшихъ на колѣняхъ предъ алтаремъ, устроеннымъ по греческому образцу. Когда мы вошли, эти старцы бросились къ нашимъ ногамъ, умоляя насъ именемъ Бога не оскорблять ихъ церкви и тѣхъ нѣсколькихъ могилъ святыхъ отцовъ, оберегать которыя они здѣсь остались. «Вы можете судить по нашей нищетѣ, передали они намъ черезъ переводчика, что у насъ нѣтъ никакихъ спрятанныхъ сокровищъ, а наша пища такъ груба, что многіе солдаты способны отказаться отъ нея. Кромѣ нашихъ реликвій и нашихъ алтарей у насъ ничего нѣтъ. Не оскорбляйте ихъ изъ уваженія къ нашей религіи, столь схожей съ вашей". Имъ обѣщали исполнить ихъ просьбу, что подтвердилъ и пріѣхавшій вице-король, который остановился въ церкви, что спасло ее отъ грозившаго ей ограбленія". „Французы въ Россіи....", ч. I, стр. 170.

смертной опасности, и что нѣкоторыхъ изъ нихъ непріятель уже успѣлъ лишить и крова, и семьи. Такіе пастыри, говоримъ, были не рѣдкостью не только въ Москвѣ, но и въ близлежащихъ уѣздныхъ городахъ и селахъ, угрожаемыхъ отъ непріятеля. Назовемъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: о. Георгій Семеновичъ Легонинъ, о. Максимъ Іоанновъ, о. Игнатій Ивановъ, о. Алексѣй Ивановъ, о. Исидоръ Димитріевъ, о. Аѳанасій Ипатовъ [1]). Не говоримъ уже о военномъ духовенствѣ, которое, въ силу своего прямого служебнаго долга, не оставляло армію во время сраженія. Многіе военные священники „были ранены, возвращались опять въ строй, нѣкоторые опять получали раны и опять, залѣчивъ ихъ, вставали на свой постъ. Всѣ воодушевляли солдатъ и напутствовали умирающихъ, не страшась ни пуль, ни штыковъ непріятеля“ [2]). Не упоминаемъ и о множествѣ другихъ безвѣстныхъ членовъ клира необъятной Россіи, которые въ годину испытаній всячески возбуждали своихъ пасомыхъ къ борьбѣ со врагомъ. Ясныя указанія на этотъ послѣдній фактъ встрѣчаются даже въ мемуарахъ иностранцевъ [3]).

Мы намѣренно подробнѣе остановились на выясненіи положительнаго значенія русскаго духовенства въ

---

[1]) О дѣятельности всѣхъ перечисленныхъ пастырей и другихъ см. очень интересные очерки въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1911 г. № 45, стр. 1052 - 1055 и за 1912 годъ № 2, стр. 43—44; № 4, стр. 103—106; № 5, стр. 129—131; № 11, стр. 306 – 311; № 12, стр. 328—332; № 15, стр. 389 – 396; № 18, стр. 463—465; № 19, стр. 478—480. Ср. „Лица „Духовнаго чина“ Московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году“, изслѣдованіе протоіерея А. В. Никольскаго, М. 1912 г. Означенные очерки, какъ и книга протоіерея Никольскаго, составлены главнымъ образомъ на основаніи документовъ Архива Московской Духовной Консисторіи, который вообще является очень цѣннымъ показателемъ доблестной службы духовенства Московской епархіи Церкви и отечеству въ пережитое въ 1812 году лихолѣтье.

[2]) „Церковный Вѣстникъ“ 1912 годъ № 31.

[3]) „Французы въ Россіи“ ч. I, стр. 81, 168, ч. 2, стр. 40, 68. Много указаній на тяжелыя испытанія духовенства и его вѣрную службу въ 1812 году можно найти въ брошюрѣ К. А. Военскаго—„Русское духовенство и Отечественная война“.

бурномъ народномъ движеніи за національную идею въ памятную годину. Поступить такъ насъ побуждала простая справедливость въ отношеніи къ лицамъ „Духовнаго чина“, крѣпко стоявшимъ на стражѣ Церкви и отечества, а также и то обстоятельство, что громадная юбилейная литература вопроса и даже капитальныя изданія изъ нея, освѣщающія пережитое лихолѣтье со всѣхъ сторонъ, въ своемъ большинствѣ—или замалчиваютъ положительныя заслуги Церкви, или только отрицательно трактуютъ вопросъ объ участіи русскаго духовенства въ событіяхъ 1812 года [1]).

Мы оставили Наполеона въ Москвѣ, раззоренной и сожженной самими русскими. Въ этихъ условіяхъ французскій императоръ особенно остро почувствовалъ безвыходность своего положенія и нашелъ единственный исходъ въ томъ, что предложилъ нашему Государю заключить миръ. Но понятно, что Государь вмѣстѣ съ своимъ народомъ, весьма оскорбленный въ своихъ святыхъ патріотическихъ чувствахъ, не могъ согласиться съ такимъ позорнымъ исходомъ военной кампаніи и энергично протестовалъ противъ предложенія Наполеона, хотя и былъ окруженъ очень сильной придворной партіей мира, въ средѣ которой находились, напримѣръ, Аракчеевъ, охваченная паникой императрица Марія Ѳеодоровна, Великій Князь Константинъ Павловичъ, безпрерывно оглашавшій залы дворца криками—„мира“, „мира“. Если сильна была

---

[1]) Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, 7-ми томное изданіе т-ва И. Д. Сытина „Отечественная война и русское общество“, совершенно не помѣстившее спеціальной статьи объ участіи духовенства въ народномъ движеніи 1812 года. Правда, въ предисловіи къ 5 му тому редакція пишетъ: „къ сожалѣнію, по независящимъ отъ редакціи и автора обстоятельствамъ, статья о духовенствѣ не была своевременно доставлена. Не имѣя возможности задерживать выходъ очередного тома, редакціи пришлось поступиться указанной статьей“. Намъ кажется, редакція могла бы восполнить этотъ пробѣлъ въ послѣдующихъ—шестомъ или седьмомъ томахъ. Если этимъ нѣсколько былъ бы нарушенъ редакціонный планъ изданія, зато была бы соблюдена справедливость.

партія мира, то нельзя забывать, что въ это же время около Государя былъ такой его „собинный“ другъ и самоотверженный борецъ за національную идею, какъ уже извѣстный намъ прусскій ех-министръ Штейнъ, насильно удаленный Наполеономъ изъ Пруссіи и нашедшій пріютъ при Петербургскомъ Дворѣ. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, Государь рѣшительно отклонялъ всякія миролюбивыя предложенія Наполеона. „Потеря Москвы, писалъ нашъ Императоръ Шведскому наслѣдному принцу, даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателя. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ помириться съ Аттилой новѣйшихъ временъ“ [1]). И народъ, дѣйствительно, мыслилъ одинаково съ Государемъ. По крайней мѣрѣ, генералъ Платовъ и другіе старшіе офицеры, въ бесѣдѣ съ французами во время Наполеоновскаго сидѣнія въ Москвѣ, откровенно и благодушно заявляли имъ: „Вы отъ войны устали, а мы только теперь всерьезъ за нее принимаемся. Ваши повозки, добычу, багажъ и пушки—все это мы у васъ отберемъ“ [2]). Наполеону, въ виду всего этого, ничего не оставалось дѣлать, какъ только „бѣжать зайцемъ“ изъ Москвы во Францію. Онъ такъ и сдѣлалъ, правда, не безъ громадныхъ нравственныхъ усилій надъ собой: „Наполеонъ, говоритъ Біо въ своихъ мемуарахъ, задумался“, сообразивши создавшееся положеніе вещей, „и отступленіе изъ Россіи—этотъ мучительный шагъ назадъ—былъ рѣшенъ какъ-бы поневолѣ“ [3]). Но мы уже не пойдемъ за былымъ врагомъ нашей отчизны по его крайне тернистому пути отъ Москвы до Парижа. Этотъ путь въ изобиліи политъ кровью и слезами непріятельскихъ войскъ, и

---

[1]) „Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны этого царствованія“, В. В. Назаревскій, М. 1910 г., стр. 66.

[2]) „Французы въ Россіи...“ ч. II, стр. 89—изъ воспоминаній Рооса.

[3]) Тамъ же, стр, 114.

не на немъ Россія въ 1812 году обрѣла свое спасеніе; главное рѣшеніе національнаго вопроса было уже дано на пути въ Москву и въ самомъ „сердцѣ Россіи“, хотя русскій народъ и на обратномъ пути непріятеля, по мѣрѣ надобности, продолжалъ свое великое патріотическое дѣло: „съ простотою и легкостью онъ (и здѣсь) поднималъ первую попавшуюся дубину и гвоздилъ ею (врага) до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣнялось презрѣніемъ и жалостью“.

Итакъ, съ выходомъ изъ Москвы, Наполеонъ, повидимому, окончательно побѣжденъ, а Россія совершенно спасена „отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ“. Такъ именно и полагали нѣкоторыя близкія къ Государю лица, настойчиво совѣтовавшія ему не идти по слѣдамъ Наполеона дальше границъ русской территоріи [1]). Но не такъ смотрѣлъ на дѣло нашъ Государь. Онъ держался того справедливаго убѣжденія, что Наполеонъ до тѣхъ поръ не потеряетъ значеніе грознаго призрака для Россіи, пока будетъ, по повыраженію князя Меттерниха, „краеугольнымъ камнемъ“ своеобразно созданной имъ французской имперіи [2]). Для благополучнаго существованія не только Россіи, но и Европы, необходимо было сдвинуть этотъ камень съ его основанія, другими словами— необходимо было заставить Наполеона отречься отъ императорскаго престола. Вотъ почему нашъ Государь, всецѣло захваченный идеей служенія общему благу, устремляется съ своими войсками за Наполеономъ, преслѣдуя его и за границей русской территоріи. Здѣсь въ коалицію съ русскимъ императоромъ противъ главы французскаго правительства охотно вступаютъ другія европейскія державы, значительно воспрянувшія духомъ при вѣсти о пораженіи, понесенномъ Наполеономъ въ Россіи. Соединен-

---

[1]) Такая же мысль проводится, напримѣръ, и въ вышеотмѣченномъ изданіи Сытина—„Отечественная война и русское общество“. Ея придерживаются и нѣкоторые другіе представители исторической литературы

[2]) „Наполеонъ“ (характеристика)—см. въ книгѣ—„Французы въ Россіи...“ ч. I, стр. 11.

ными усиліями континентальная Европа заставляетъ французскаго императора навсегда отречься отъ престола, и когда то грозный повелитель Запада въ 1815 году удаляется въ изгнаніе на островъ св. Елены. Только здѣсь должна быть поставлена точка надъ первой стадіей исторіи національнаго вопроса, такъ остро поднятаго европейскими государствами въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., и такъ бурно рѣшавшагося нѣкоторыми изъ нихъ. И главной виновницей благополучнаго рѣшенія этого вопроса по справедливости нужно признать Россію—ея правительство и народъ, взятый въ цѣломъ. Россія, спасая себя, спасла и Европу; обезпечивъ себѣ на будущее время дальнѣйшее культурное развитіе на основѣ самобытныхъ русскихъ началъ, Россія доставила возможность подобнаго же національно-культурнаго прогресса и другимъ европейскимъ державамъ. Такимъ рѣшеніемъ національнаго вопроса опредѣляется коренное значеніе Отечественной войны.

Русскій народъ, сокрушивши, казалось, непобѣдимаго врага, показалъ себя во весь свой богатырскій духовной ростъ, обнаружилъ въ себѣ наличность неисчерпаемыхъ запасовъ нравственныхъ силъ, всегда способныхъ—и спасти родину такого народа, даже въ наиболѣе критическій моментъ ея существованія, и возродить ее къ лучшему будущему. Сами наши предки, послѣ побѣдоносно перенесеннаго ими испытанія, сознали свою нравственную мощь, выросли въ своемъ собственномъ самоопредѣленіи и съ удвоенной нравственной энергіей принялись за мирную, культурную работу на благо своего отечества. Въ нашу задачу не входитъ детальное обслѣдованіе вопроса—какъ эта работа нашихъ предковъ, вдохновленныхъ событіями 1812 г., съ теченіемъ времени оживила различныя стороны жизни русскаго государственнаго организма. Скажемъ лишь, что Отечественная война явилась тѣмъ „могучимъ толчкомъ, который вызвалъ въ крѣпостнической тинѣ русской жизни живое и свѣжее движеніе, который генетически связанъ и съ декабристами, и со всѣми освободительными стремленіями XIX в., который смыкаетъ цѣпь между

1812 г., 19 февраля и 17 октября—въ его идеѣ, а не практическомъ осуществленіи“ [1])... Намъ больше хотѣлось бы подчеркнуть предъ вашимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ ту мысль, что Отечественная война, по проявленнымъ въ ней богатымъ духовнымъ силамъ нашихъ предковъ, принесла русскому народу и перенесла, черезъ сто лѣтъ, нашему поколѣнію великое нравственное утѣшеніе: „изъ поколѣнія въ поколѣніе, говоритъ М. Ковалевскій, переходитъ восторженная память о стойкости, съ какой русскій народъ, въ полномъ единеніи съ своимъ Государемъ, отстоялъ независимость отчизны отъ опаснѣйшаго изъ нашествій, перенесеннаго со времени освобожденія отъ татарскаго ига... Мы только съ гордостью смотримъ на прошлое и видимъ въ немъ залогъ такой же стойкости въ отстаиваніи нашего самоопредѣленія противъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, какихъ можетъ поставить намъ ближайшее или отдаленное будущее“ [2]).

Точно знать будущее, конечно, никто не можетъ, но все-же нѣкоторые дальновидные политики, въ интересахъ своевременной подготовки общественнаго мнѣнія, всегда строятъ болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія относительно этого будущаго. Одинъ изъ такихъ писателей-публицистовъ, высказываясь недавно за необходимость въ практическихъ цѣляхъ полнѣе изучить военную кампанію 1812 года, приводитъ въ пользу своей мысли слѣдующія глубоко-интересныя соображенія: „всестороннее изученіе Отечественной войны имѣетъ для насъ не одно только историческое значеніе. Если Россіи придется въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вести войну со своими западными сосѣдями, намъ предстоитъ разыграть новыя варіаціи на тему 1812 года. Благодаря быстрой мобилизаціи своихъ армій и безподобной организаціи путей сообщенія, Германія и Австро-Венгрія въ состояніи выставить противъ насъ въ первые мѣсяцы кампаніи подавляющія силы. Еще со временъ Мольтке нѣмецкіе планы войны основаны цѣ-

[1]) «12-й годъ...» В. В. Каллашъ, стр. 5—6.
[2]) „Вѣстникъ Европы“—1912, Іюль, стр. 223—224.

ликомъ на быстромъ наступленіи внутрь Россіи, а стратеги Дунайской монархіи неустанно изучаютъ вопросъ о походѣ Австро-Венгерской арміи на Кіевъ и оттуда на Москву. Будущая война, слѣдовательно, угрожаетъ стать комбинаціей походовъ Наполеона I и Карла XII. Русская же армія неизбѣжно обречена на веденіе оборонительной кампаніи, при чемъ весьма возможно, что намъ не удастся избѣжать отступленія на линію Западной Двины и Днѣпра. Тогда непріятель, естественно, будетъ стремиться прорвать центръ нашего стратегическаго расположенія, оперируя главными силами въ направленіи Смоленскъ—Москва.... Будемъ надѣяться, замѣчаетъ авторъ этихъ соображеній, что нашему поколѣнію не суждено переживать такія тяжкія испытанія“ [1]). Дай, Богъ, скажемъ и мы, чтобы эти надежды оправдались; дай, Богъ, чтобы и Балканскій вопросъ, который захватываетъ теперь вниманіе всей Европы и особенно славянскихъ государствъ, не реализовался въ такую форму, которая хоть сколько-нибудь подтвердила бы сейчасъ отмѣченныя соображенія. Но если Господу когда-либо угодно будетъ посѣтить наше отечество новымъ тяжелымъ испытаніемъ, мы все-же съ бодрымъ духомъ встрѣтимъ эту скорбь, потому-что съ нами Богъ, а въ нашемъ прошломъ—Отечественная война, когда „русскій народъ, въ полномъ единеніи съ своимъ Государемъ, отстоялъ независимость отчизны отъ опаснѣйшаго изъ нашествій, перенесеннаго со времени освобожденія отъ татарскаго ига... Мы съ гордостью смотримъ на (это) прошлое и видимъ въ немъ залогъ такой же стойкости въ отстаиваніи нашего самоопредѣленія противъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, какихъ можетъ поставить намъ ближайшее или отдаленное будущее“.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

[1]) „Таинственная эпопея“, В. Михайловскаго—«Русское Слово», 1912 г., № 200.